

18+

Симфония космических грёз

Кир Неизвестный

Кир Неизвестный

Симфония космических грёз

«Издательские решения»

Неизвестный К. Н.

Симфония космических грёз / К. Н. Неизвестный —
«Издательские решения»,

Доказано сразу несколько гипотез: мир Солнечной системы существует на границе горизонта событий, а в облаке Оорта существует система красного карлика, и черная планета Сун-Сэ, населенная космическими жнецами, готовящие военную экспансию на Землю. Силы не равны, но все же еще есть надежда на то, что человечество не только даст отпор звездным захватчикам, но и начнет освоение галактики.

Содержание

Симфония космических грёз	6
Горизонт событий	7
Уже скоро	8
Голограмма	10
Сквер трех миров	13
Финал и Начало	15
Пионер 10	18
12 ноября 2002 год	19
Невидимая звезда	21
31 декабря 2002 год. Сент-Дэвидс город-собор, графство	23
Пембрукшир, Уэльс. Великобритания	
г. Москва, Центральный федеральный округ. ФСБ, отдел 22	24
Начало конца	25
Странная история из прошлого	26
Чудовище	28
Ждем сигнал от «Пионер 10»	29
Наследники Оумуамуа. Тайна кометы Атлас	30
2 октября 2025	31
25 декабря 2025 год	32
27 декабря 2025 год	34
3 мая 2026 год	37
4 июля 2026 год	39
26 ноября 2026 год	41
1 января 2027 год	42
3 января 2027 год	45
5 января 2027 год	47
Звезда «РОДИНА»	49
СЛОВАРЬ	50
Глава 1. Знакомство с миром Конфликта	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Симфония космических грёз

Кир Николаевич Неизвестный

© Кир Николаевич Неизвестный, 2026

ISBN 978-5-0071-3842-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Симфония космических грёз

Кир Неизвестный

Горизонт событий

Всё не то, чем нам кажется, и увы, это не матрица, которая так ловко предложила Парадокс Ферми. Нет, другой жизни нет только из-за того, что квантовая запутанность, существующая локально, в мире Земли, не допустила бы иной разум. Потому то мы, земляне, никогда не сможем покинуть Солнечную систему. Никогда не сможем преодолеть облако Оорта. И оттого так просто все объяснить:

Мы живем внутри Черной дыры.

— Итак, что мне известно о мире, в котором живу? — Я прикинул с чего бы начать, и выбрав отправную точку, продолжил. — А живу я в, так называемой, Черной дыре, или, если вам так привычнее думать — в Горизонте Событий. И тут, я предполагаю, возникает множество вопросов, а также желающие поспорить и опровергнуть. Впрочем, как и тех уважаемых людей, что согласятся со мной, или просто те, кому моя версия покажется удобной. И чтобы успокоить одних и укрепить в вере вторых, я расскажу свою историю.

Все началось с пресловутых ученых, которые хотели все доказать, а если не доказать, так притянуть «за уши» новую модную теорию создания всего, да так, чтобы эта гипотеза не нарушала стройно выстроенных прежних теорем. Так родилась, если можно переименовать (ведь обратного не было доказано), научная проблема излучения Хокинга. Это я о том эффекте, когда черная дыра со временем испаряется и отдает, вместе с массой, в пространство записанную информацию. А информация может быть любой, в том числе и о всех мирах, непостижимым образом существующих в пределах черной дыры. Антинаучно — скажете вы. Я бы с вами согласился, если бы не одно «НО», доказывающее теорию «на грани», а именно существование нашего с вами мира.

Уже скоро

Сердце оказалось безжалостным: всегда измеряя время точными ровными ударами, не говорило и не предупреждало о том, что эти толчки приближают неизбежное — смерть. Но в мире ничего и никогда не меняется, не рушатся небеса, не тухнет Солнце — ровным счетом ничего не происходит только потому, что кому-то в голову пришла мысль сегодня умереть. Но если это так, если приход и уход человека остается не замеченным, то как понять — для чего есть этот самый человек? А может и нет людей вовсе? Может все мы просто проекция более лучшего мира? Как было у Платона — Вселенная всего лишь голограмма лучшего мира. И все же...

— Если я не хочу умирать? Если в смерти нет смысла? Что тогда? Что будет после того, как я умру? — Профессор Селезнев шел по зеленой аллее, прилегающей к университету, и так думал о том, что вскоре его ждет. А ждало совсем не радостное событие, кардиолог приговаривал его профессорское сердце к скорой остановке. Да, конечно, ему предложили операцию, предложили искусственное, механическое сердце. Такое, будто снятое или выращенное в киборге, в андроиде, и теперь, это самое сердце должно биться в его груди. Профессор отказался. Отказался продлевать жизнь, грозившая стать неполноценной. Селезнев вновь создал противоречие — хотел жить, и отказывался от жизни.

— Но ведь моё противоречие не постулат, не аксиома. Не нужно никому ничего доказывать, тем более, все что хотел сказать, я сказал — мне дали времени достаточно. И если попытаться еще его докупить, добрать часы, дни, годы — будут ли они теми самыми, ради которых я продлю свой путь? — Он задумался и посмотрел вверх, туда, где ультрамарин неба приблизился, опуская объемные ватные облака к самой земле. Селезневу нравилось близость неба, нравилась эта легкость, и в противоположность этому профессор сильно переживал из-за мыслей о холодной, влажной и тяжелой земле. И все же его выбор был неизменным. — Вряд ли мне сделают еще один подарок. Мехатронное сердце может и продлит жизнь, но это вовсе не значит, что оно сохранит мой рассудок и остроту ума. Сохранит душу.

В грудь изнутри вонзилось острием кавалерийское копьё, пробивая костную твердь, вырываясь сквозь глотку криком боли. Селезнев схватился за место, куда ударили, пытался остановить поток сокрушающего приступа, но было поздно! Не хватало воздуха, в глазах жирные головастики разматывали короткими хвостами, а в голове набат гудел мартезовскими печами. И он мог поклясться, что уже чувствовал обжигающий жар плавлен.

Кровавые головастики заслонили свет, пришла темнота, а потом бескрайний свет, в котором он увидел. Бесконечность в черной точке, на которую, если посмотреть под другим углом, можно понять, что это стержень, протянувшийся в исключительную безграничность. Но, все же предел был. Он там, глубоко «внизу» или где-то еще, выделялся опорой, и если присмотреться, то можно понять, что точка, трансформировавшаяся в стержень, снова перетекала в точку. Но только теперь простого места ей было мало, и потому она сначала была масляным нефтяным пятном, а после лужей. Через минуту — это чернильное море и затем безбрежный океан. От горизонта до горизонта одна сплошная обсидиановая черная точка. Профессор вернулся взглядом на начало, на маленькую точку, из которой вырос стержень. И на ней, в самом её центре, что-то разглядел. Что-то голубое на угольно-черном. Он постарался сфокусироваться — внутри черного блестела и поворачивалась крохотная нежно-голубая планета. Одинокая. Потерянная.

В грудь ударили с новой силой, выбивая остатки воздуха. В воздухе, зависая печатными словами, зазвучала речь могучего существа:

— Профессор! Профессор, дайте мне свою руку! — Он понял, что его подхватили, потянули. Ноги не слушались, отказывались выполнять чужую волю. Но его принудили подчиниться и он послушался. А потом в рот сунули сладковатые шарики.

— Нитроглицерин. — Догадался Селезнев. — Успеют ли?

Лекарство спасло. В этот раз. В следующем может быть не вовремя.

Он открыл глаза, опасаясь увидеть кровавые пятна, но их уже не было. Но было синее море над головой и белые невесомые китообразные облака, парили себе там, недостижимые. А как же их хотелось потрогать, нырнуть в их нежную сдобу. Почувствовать себя в безопасности, легкомысленным.

Надвинулось лицо: скромная заботливая улыбка, массивные очки и вечный взъерошенный затылок — аспирант Егор Пирогов. Спаситель. То самое могучие существо, звавшее его. Селезнев вымученно улыбнулся, благодаря за подаренное время. Протянул руку, ему помогли подняться, он огляделся — вокруг деловито спешили молодые люди, преподаватели не любили опаздывающих на свои лекции, вот и ему пора бы.

Голограмма

Профессор Селезнев вел лекцию по астрофизике, но из-за того, что его личные предпочтения чаще выходили за рамки образовательного процесса, на что, в свою очередь влияло современное научное сообщество Всемирной Академии Наук, членом-корреспондентом которой он являлся, часто любил рассуждать, перекладывая личные тонкие догадки на пытливые молодые умы. И так прохаживаясь вдоль грифельной доски лектория, профессор декламировал по памяти, ранее где то прочитанное и переваренное под свое понимание, знание:

— И в конце лекции я хотел бы порассуждать на темы, вызвавшие явление в научной среде, или так называемое «научная проблема». Как мы знаем, подобное явление возникает при следующих условиях:

— Первое и самое важное — пробел в теории, или когда существующая теоретическая база не способна дать внятный ответ на возникшие вопросы. Да, к сожалению, общая и специальная теории относительности еще не панацеи от всего-всего;

— Второе: хоть это и сложно признать, но методики и подходы, ввиду своих набитых мест, весьма костны и постоянны в научной среде. Видите ли, основная часть профессуры — люди преклонного возраста и весьма надеются на аксиомы и константы, и по этой причине не любят новых идей, а поэтому открытия, чаще всего, объявляются в тех областях знаний, где законы знакомы, доказательны и визуализированы. Оттого, в чем-то новом, главенствуют научные проблемы и недостаток финансирования;

— Ну и третье: традиции. Ух как это мешает передовым компетенциям! Именно раскрытие проблемы зависит от адаптации к уже имеющейся научной базе, а там такие стойки, что один их вид убивает желание доказательства.

— Но! Все же есть те, кто рискует и добивается! И вот один из последних примеров научной проблемы, готовая вырасти в рабочую гипотезу, разрабатываемая группой молодых ученых Российской Академией Наук, и о ней немного позже.

— Человеческое понимание природы довольно скудно, хоть мы и старательно обманываем себя, приписываем несуществующие заслуги. А вот вправду сказать, так и получается, что отвечая себе на один вопрос, человечество задает сразу несколько новых и оттого дальше отодвигая понимание сути всего. К примеру, из насущных — о так называемом парадоксе Ферми, который утверждает, что внеземной жизни нет. Нет доказательств, нет свидетельств. Ничего нет такого, чтобы утвердило ученых в мыслях о существовании внеземного разума. А раз нет доказательств, значит и нет во вселенной никого, кроме нас, землян. Обидно — да, но есть основания так полагать.

— Но тогда для чего мы усердно ищем в огромных пустотах космоса кого-то? — Профессор остановился, подпер голову кулаком, а взглядом уперся в невидимое препятствие, будто пытался разглядеть что-то. — И тут нам приходит на помощь уравнение Дрейка, решение которого утверждает о возможном существовании миллиардов цивилизаций. И это подстегивает нас на новые поиски, хотя само уравнение является неким стимулирующим способом самообмана. Но, все же, — Селезнев остановился у грифельной доски, повернулся лицом к студентам, — возникает логичный вопрос: почему Вселенная существует многие миллиарды лет и это одно допускает существование высокоразвитых форм жизни, но мы так и не вышли на контакт? — Он внимательно посмотрел на свою аудиторию. — Этот вопрос я хотел бы адресовать вам, и потому на следующей лекции жду от вас представлений. Профессор снял очки с переносицы, давая понять, что пара закончилась. Группа из тридцати студентов выдохнула, зашевелилась, отмирая от гипнотического действия внушаемых загадок и секретов, зашуршала одеждой, забубнила о чем-то своем, о нужном. Профессор отложил очки на рядом стоящий стол, помял

уставшую переносицу, покрутил шеей, разгоняя застоявшуюся кровь, и вновь водрузил очки на место, осматривая покидающих аудиторию студентов и пытаясь определить их настрой.

И тут, среди молодых людей, Селезнев заметил человека, не принадлежавшего студенческой среде. Это был мужчина средних лет, средним ростом и комплекцией. Имел незнакомец непримечательное лицо, причёску «как у всех», дежурную улыбку. И глаза, которые, как казалось, никогда не встречались взглядом с другими. На человеке был непримечательный костюм, сливающийся неопределённым цветом с людским потоком. Профессор никогда бы не заметил его, если бы не эти его глаза — мужчина все же посмотрел на Селезнева, но так — украдкой, и взгляд его был очень тяжёл. Настолько тяжёл, что профессор ощущал его как пудовую ладонь большого и сильного мужчины. Селезнев во что бы то ни стало решил выяснить кто это, как сюда попал и что ему нужно.

Профессор пошел навстречу потоку молодых людей, разрезая его, осторожно проталкиваясь в сторону незнакомца. А тот, вроде и не заметил его, не предпринимал никаких действий, не пытался скрыться. Будто только и ждал этой встречи. И вот уже Селезнев, преодолевая последние препятствия в студенческом потоке, видит незнакомца напротив себя, видит ничем не примечательную фигуру, не яркую внешность, спокойную улыбку и глаза. Глаза, которые вдруг тот поднял и ошарашил Селезнева взглядом, будто ледяным потоком остудил горячий порыв, сбил профессора с шага. Селезнев оступился, кинул взгляд под ноги, оценивая досадную помеху, а когда поднял голову — незнакомца не было на месте. Он просто исчез — вроде был привидевшимся фантомом!

— А ведь и вправду сказать, что увидел призрака! — Воскликнул про себя удивленный Селезнев. — А как же иначе, если не призрак! Подумать только, видел его только я, а если и кто другой заметил, так никак не реагировал на непрошенного гостя. Ни один студент не повернул головы в его сторону, пока шла лекция. Пока шла лекция, — профессора осенило, — а когда появился незнакомец? В начале, когда была перекличка, его не было. И потом, в течение всей пары, так же он себя не проявлял — я бы заметил. Появился он в конце, но в каком моменте? — Селезнев задумался, прокручивая время назад и пытаясь остановиться на тех мгновениях, когда понял, что в аудитории чужак. — Точно чужак! Так и стану его звать. — Профессор ухмыльнулся удачному эпитету. — Так когда? Когда чужак появился? — Он остановился, прикидывая последние моменты лекции, и в один момент четко поймал момент, когда понял, что на него смотрит кто-то чужой, имевший «не человеческий» — вдруг пришло это сравнение, взгляд.

«- К примеру из насущных — о так называемом парадоксе Ферми, который утверждает, что внеземной жизни нет. Нет доказательств, нет свидетельств».

Всплыл отрывок в памяти, и вдруг так отчетливо, резко и пронзительно вдруг стало вокруг пусто, темно и холодно. Да, он вышедший вслед за студентами в коридор, не был один — вокруг плыли эфирными тенями люди, смеялись, шутили и делились впечатлениями, видели его стоящим посреди, обтекали, здоровались и уважительно кивали. Но все они не были настоящими, будто их разделила некая грань. Разделила его настоящего, от них, ото всех выдуманных, нарисованных. Или нет, не нарисованных — описанных, с вымышленными характерами и набором функций.

— Я заболел? — В панике дернулся, но все его движения были медленными, растворенными в киселе. Руки тяжелы, ноги невесомы, не ощущавших твердость гранитных полов. Селезнев обернулся в сторону прохода, и там, куда шли все эти молодые люди, студенты, больше не существовало привычного, одного единственного коридора, но их было сразу несколько, расслаивающихся, наложенных друг на друга, смешивающихся, и оттого приобретающие темноту глубины и нечеткость, вроде смотришь меж двух зеркал, в своих миллионах отражений, рождавших столь же миров.

— Нет, это не похоже на болезнь, по крайней мере на простую. Вероятно, так выглядит сумасшествие. Так или мое состояние предтеча умственного заболевания! Он забился в окружающем киселе, больно заколотило сердце в грудь, пробивая ребра. Он захотел его схватить, но не мог — руки не слушались, ноги не хотели его вынести из этого места. Селезнев в ужасе закричал, стараясь захватить ртом как можно больше воздуха, дать организму живительной силы.

И тут его отпустило в буквальном смысле. Профессор вывалился в привычное пространство, окруженное световыми пятнами из окон, столбами вездесущей пыли и студентами, заботливо и озадаченно поддерживающие его за руки. И он, жадно хватаящий ртом воздух, державшийся за сердце.

— Сердце. Сердце. Все же приступ. — Успокоено думал он. — Не схожу с ума. Просто сердце.

Сквер трех миров

Селезнев вышел из университета и доковыляв до ближайшей лавочки, уютно растворенной в рассеянном тенями свете от близко растущей сирени, уселся, блаженно выдыхая из натруженного организма больным сердцем, страдание истекшего часа. Из кожаного кейса достал сверток в алюминиевой фольге, развернул бутерброд: колбаса, расплавленный полутвердый сыр, желток яичницы и лист салата. Откусил и медленно стал жевать, наполняя рот слюной и вкусами нехитрой еды. Стал думать:

— А кто нам сказал, что мы и есть единственная и настоящая жизнь. Жизнь в самом настоящем её проявлении, жизнь полностью нами контролируемая, всецело? Кто определяет то, что мы живы? Или для того, чтобы утвердить факт жизни нужно просто об этом сказать? Вот так просто — мы живы?

— Но нет, это тоже не доказательство. — Он снова откусил от бутерброда, отложил тот в сторону, и достал из того же кейса, термос. Открыл. Вокруг лавочки, где он сейчас стал центром мини вселенной, поплыло ароматное облако свежесваренного кофе. Отпил, жмурясь от удовольствия. — Недостаточно одного нашего желания и ощущения. А достаточно ли осмысления, понимания того, что мы это мы? Наверное да... — Он покивал свои мыслям, внутренне соглашаясь. — Но вдруг есть что-то, что на самом деле дает нам это, ощущения жизни? Есть что-то, что на самом деле контролирует нас, ведет не осознанно вперед, и потому мы — не мы. Мы не те, за кого себя выдаем. Вдруг, на самом то деле все люди лишь голограммы? Весь мир виртуальный? Все планеты, Солнце, звезды? Мы лишь носители информации, чьи-то судьбы, отражения?

— Да, это никого не устраивает — проживать чью-то судьбу. Но кто скажет тогда, не оттого ли рождаются все эти сверхъестественные предположения, чувства дежавю, понимание того, что «всё было»? Отчего порой мы так уверены в чем-то, словно прожили уже эти мгновения раньше? — Селезнев задумался на секунды, подыскивая ответы.

— И я вот не знаю, не могу, не понимаю, как ответить на все эти вопросы. Но. Но, вдруг всё это правда? Вдруг... действительно голограмма? Оттиск чьих-то судеб?

Селезнев наклонил голову вниз и вправо, и так получилось, что он случайно заметил что-то на грани поля зрения. Повернулся, увидел, ахнул. Рядом с ним, на ЕГО лавочке, сидел тот самый Чужак и как-то так, искусственно мило ему улыбался. Да, и если вправду так подумать, то незнакомец очень был похож на синтетика, если бы Селезнев когда-то их мог видеть. Чужак заговорил с ним.

— Профессор, вы невероятно запутались. Впрочем, в этом нет вашей вины — запутались все люди. Хотя, знать подобное не может ни одно живое существо. Да и зачем? Для чего подобное знание людям? Умножать печали? Смириться с неизбежностью. — Чужак пожал плечами, костюм неестественно засеребрился складками на его плечах. — Так же есть вера, она для смирения. А большей боли и не придумать. — Он постоял рядом, шумно выдохнул. — Нет, не тот воздух. — С сожалением покивал головой. — Вы все же правы в одном — вы, ваш мир, все вокруг и Солнце со звездами. — Он покивал, соглашаясь своим словам. — Одним словом всё здесь — голограмма. Но могу обрадовать, так сказать, дать повод, почувствовать себя в некой мере уникальным. — Он улыбнулся Селезневу. — Вы не простая проекция. Вас наполняет информация извне. Из черной дыры. Да, да. — Видя замешательство профессора, продолжил Чужак. — Вы в черной дыре. Хотя, нет, не в самой. Именно ваш мир расположился на грани миров, в горизонте событий. И потому вы чувствуете все миры сразу — свой, точнее наш, потому что вы оттиск с нашего, и внешний, за пределами черной дыры. Потому то в вас столько порывов и стремлений. Жаль, что все настолько ограничено. — Он печально вздохнул. — Действительно жаль, что пропадает столько возможностей. — Чужак замолчал, но через

мгновение продолжил. — Кстати, это место есть везде и потому здесь часто бывают подобные мысли, — он посмотрел на профессора, — «Сквер трех миров» — так оно называется.

Финал и Начало

Гудела сирена и красный свет тревожно бился пульсом в коридорах университета. По полу дробилась низкочастотная вибрация, и ей вторило нутро профессора. Селезнев зарыл голову руками, прижав ладони к ушам — обстановка была невыносима. Но ему нужно было дойти... добраться... Куда дойти, к чему добраться? Тревога выбивала память. Единственная мысль билась мотыльком:

— Он сказал — это нападение инопланетян. Инопланетян. Нападение. Он сказал. Нападение... Но почему... Черная дыра. Парадокс не... не верен! Дрейк прав... Инопланетяне... Он сказал это инопланетяне.

А потом вспомнил. Вспомнил, как там, в сквере, незнакомец что-то передал ему. Конверт! Точно, это был конверт! И попросил его поторопиться. Но зачем? К чему спешка? И вновь вспышка памяти:

— Квантовый скачок. — Чужак сидел рядом с ним на лавочке, и говорил. — Скоро он будет здесь, и тогда пришедшая волна гравитации разрушит ваш мир. Но вы можете все изменить. — Он протянул конверт профессору. — Здесь информация, способная спасти вашу вселенную. Вам нужно отнести её в свой кабинет, найти книгу «Мимойды и симметриады. Способы и проблемы изучения» и вложить этот конверт, — Чужак похлопал по картонке, — в центр этой книги.

— Но я никогда не видел этого тома! — Воскликнул Селезнев. — Неужели он есть в моей библиотеке?

— Да. Но торопитесь! Перед каждым квантовым скачком приходят «чистильщики», для вас они чудовищные инопланетяне, и постараются вам помешать, остановить. Поэтому поторопитесь!

Человек сидел за столом, на деревянном стуле с высокой спинкой, которые так любила профессура университета, и, казалось, о чем-то задумался, склонив голову набок, перед ним, на полированной столешнице, лежал раскрытый томик. Отсюда, профессору не было видно, что читал пришедший.

По нестриженному и вечно взъерошенному затылку в сидящем Селезнев узнал аспиранта Егора Пирогова. Тот часто засиживался в кабинете профессора, изучая личную библиотеку, в поисках, среди пыли и тлена, плевел знаний, которые, по его мнению, Селезнев мог упустить.

Он подошел к Пирогову и одобрительно положил руку на плечо — Егор сейчас был такой необходимой опорой и надеждой. Голова сидящего запрокинулась, показывая страшное: глаза черны — выжжены, рот открыт от изумления и некой... детской радости!

Но чему мог радоваться аспирант? Тому, что принесло смерть?

— Егор! — Селезнев толкнул аспиранта в плечо, тот уронил голову, и она с треском рвущейся материи, лопнула в шее, обнажая спекшуюся кровь и белые позвонки. Профессор отпрянул, схватился за сердце, ощущая, как оно захлынуло горячей кровью, забились неровными, через два толчка, ударами, пуская кровь в мозг редкими толчками. Нечем стало дышать.

В кабинет ворвалось существо, похожее на огромного фиолетового льва или пса, со страшными извивающимися щупальцами в пасти, и разглядев профессора, судорожно хватавшего ртом воздух, бросилось в его сторону.

— Книга! Какую книгу ты читал? — Преодолевая боль, Селезнев рывком перевернул книгу, обложка дала себя прочитать: «Мимойды и симметриады. Способы и проблемы изучения». — Она! — Обрадованно воскликнул он, потянулся перелистнуть. Но тут тварь настигла его!

Фиолетовый пес, схватил его за голову, обвивая лицо шевелящимися щупальцами, и попытался раздавить голову, но поняв, что сразу не получится убить жертву, чудовище размо-

тав человека, отбросило его к противоположной стене. Селезнев влетел спиной в стену и почти потерял сознание. Вспышкой ударило в грудь, раздвигая ребра — сердце грозило лопнуть от нагрузки.

— Нитроглицерин! — Он судорожно, не послушными пальцами, залез в карман пиджака, вытянул фольгу платины, в которой, запаянные красны шарики сверкали спасением. Выдавил один — но пальцы не слушались, не гнулись, и шарик, подсакивая, закатился куда-то под стол и стул, на котором продолжало сидеть обезглавленное тело Пирогова. Селезнев посмотрел на пластину — на ней остался последний шарик, его последний шанс. В грудь вновь ударили изнутри, причиняя отчаянную боль. Хорошо, что фиолетовая тварь, заинтересовавшись аспирантом, на время забыла о профессоре. Селезнев сунул пластинку в рот, надавил на выступающую кочку, шарик попал под язык и почти сразу стал растворяться. В тело пришла обволакивающая тупая легкость, от которой у него непроизвольно вытянулись ноги, шумно двигаясь по паркету пола.

Фиолетовый услышал, дернул головой, отвлекаясь от мертвого аспиранта — щупальца в пасти отвратительно колыхались. Сфокусировался на Селезневе, готовясь к атаке. Прыгнул, и было понятно, что это финальный прыжок, после которого для профессора не будет больше ничего.

Но чудовище пропало, растворилось в воздухе, а вместо него появился колеблющийся проем в раскаленном воздухе, сквозь который он различил причудливые здания, похожие на космические корабли, машины, парящие в воздухе и зелень. Очень много зеленых деревьев и цветов. И людей, мирно прогуливающих по скверу. Он узнал его — сам недавно был там. Как его назвал чужак?

— Сквер трех миров.

Профессор, преодолевая боль, поднялся на ноги и спотыкаясь, бросился в сторону проема, но тот уже закрылся. Сзади врезалось в стену тяжелое тело — это фиолетовый попал туда, где минуту назад была его жертва. А Селезнев, более не ощущая себя, тупо воткнулся в то место, где была раскрытая книга.

«Мимойды и симметриады. Способы и проблемы изучения»

— Итак, что мне известно о мире, в котором живу? — Профессор прикинул с чего бы начать, и выбрав отправную точку, продолжил. — А живу я в, так называемой, Черной дыре, или, если вам так привычнее думать — в Горизонте Событий. И тут, я предполагаю, возникает множество вопросов, а также желающие поспорить и опровергнуть. Впрочем, как и тех уважаемых людей, что согласятся со мной, или просто те, кому моя версия покажется удобной. И чтобы успокоить одних и укрепить в вере вторых, я написал свою историю.

2031 год. Земля — кладбище, оставленное расой Рахни-Сары. Война закончилась, но цена победы оказалась непомерной: миллиарды погибших и планета, превращенная в лоскутное одеяло из аномалий: туман Скаб выжигает память и дарит забвение, Антитекстура перекраивает законы физики, а Песочница пожирает тех, кто еще дышит.

Люди, помнящие «старый мир», подобные главному герою, стали живыми артефактами. Корестер Ковач, ветеран 22-го отдела ФСБ, берется за самоубийственную миссию: доставить «Искру» в подземный институт Омега-Гэст. Эта реликвия — свидетель того, кем мы были до того, как небо стало чужим.

Пробираясь сквозь территории, захваченные мутантами синтетмера и механическими кошмарами Рахни, — Ковач внезапно понимает: враг не только снаружи. В подземельях Омеги зреет заговор фанатиков Нуклефизма, готовых принести остатки человечества в жертву своим темным догмам.

В этом месте забвение — единственный закон. Только хранители памяти способны указать путь к спасению, но на них объявлена охота.

Пионер 10

23 января 2003 года пришел последний сигнал от автоматической космической станции «Пионер 10», и на этом официально миссия была закрыта.

Но!

Это был очень странный сигнал. Аппарат, преодолев более двенадцати миллиардов километров, сигнализировал о приближении массивного объекта, в гравитационный захват которого он попал. Ученым осталось лишь теряться в догадках, что же это был за объект. Неизвестная планета? Огромный астероид или комета? Или... Хотя подобного не могло быть — космический корабль?

12 ноября 2002 год

Прошу, прошу вас! Пропустите меня! — Джеймс Мартинес толкнул перегородившего дорогу охранника, но тот, угрюмый, огромный, с квадратной челюстью, буграми мышц, выступающими сквозь черную же майку с «Атлантистами» «в облипочку» афроамериканец, не пошатнулся, не ответил пониманием его просьбам. Да и откуда бы ему, этому костолому знать о нем? Знать о «Восьмом чуде света», как Мартинеса называли на его родине — городе Слайделл, что на берегу озера Понтчартрейн! И хоть этот городок на две трети маленький, а на одну треть никому не известный, все же этого достаточно для того, что о нем, о Джеймсе узнал весь штат Луизиана. Узнал, как о самом невероятном и неправдоподобном оракуле, существовавшем после Йозефа Менгеле. И чего Джеймс только не предсказывал жителям Луизианы: от наводнения и ураганов, до пришедшей с болот Эйкерса желтой лихорадки. Много-много бед отвел он от жителей штата и потому стал почитаем у местных. К нему даже порой навевались сильные мира сего, но о том ему запрещено распространяться. И что же теперь такой человек делает на пороге НАСА? Для чего он тут? Лысеющий, с пивным брюшком и в клетчатой рубашке на выпуск, под которой виднелся засаленный воротник серой, а некогда бывшей белой, майки. Что мог интересного и важного сказать пятидесяти восьмилетний никому не известный в этих стенах, да и в научном мире, мужчина?

— Черт побери! — Рассвирепел Мартинес. — Да пусти же меня, наконец! — Но негр был как бронированная черная чугунная дверь в сейф банка на Уолл-Стрит. — Ах, так! — Воскликнул он в изумлении, от того факта, что этот нахал не впускал его. — Я сейчас тебе покажу! — Пригрозил он черному пальцем и отошел на пару метров, и развел рули в стороны, а потом свел их ладонями перед собой, вроде собирал из воздуха невидимые нити. Напрягся, надул важно щеки, подглядывая сквозь прищуренные веки за охранником, и готов уже был взять на испуг древней магией ведьм Луизианы, в которую он и сам не верил, как вдруг из холла штаб-квартиры НАСА выскочил человек, с брелком пропуска на шее и грозно прикрикнул на эту сцену:

— Что тут происходит? — Черная глыба мускулов посторонилась, пропуская явно важного человека и молчаливо предлагая тому самому разобраться в странной и нелепой ситуации. — Кто вы? — Обратился он к Мартинесу.

— Мартинес. Джеймс. Штат Луизиана. Я к вам по важному делу.

— Мартинес? Вы говорите Мартинес? Тот самый? — Джеймс обрадованно кивнул. Он и не смел думать, что в подобной организации, где все держится на китах науки, могут знать о нем, по своей сути — знахаре. — Нет, не знаю. — Ошарашил его вновь пришедший. — Никого не впускайте, сегодня нет «Дня Открытых Дверей». — Обратился он к охраннику, тот молча кивнул. Незнакомец молча развернулся и довольно энергично стал удаляться, чеканя шаг по граниту пола.

— Пойдите! — Окрикнул уходящего Джеймс. — Я знаю кто вы! Вы же Уильям. Это же вы руководитель программы «Спейс Шаттл»! — Мужчина остановился, развернулся, но подходить не стал.

— Это не секрет. — Ответил он.

— Да, да. — Заторопился Мартинес. — Все знают об этом. Но то, что я хочу вам сказать, знаю только я!

— И что же это? — Мы можем поговорить конфиденциально?

— Нет. Но у вас десять секунд, чтобы заинтересовать меня. — Уильям Парсонс посмотрел на часы, засекая время.

— Хорошо, хорошо! — Зататорил Мартинес. Ему во что бы то ни было нужно сказать этому человеку все то, что он недавно узнал, увидел в своих видениях. Увидел страшное и

по-настоящему ужасное. Ему нужно рассказать этому человеку всё, что бы тот разъяснил ему, неучу из Луизианы, что все это значит, и стоит ли ему бояться. Стоит ли бояться всем людям, всей планете Земля. — Это о том аппарате. — Джеймс напряг волю, собрал мысли в кулак, сосредотачиваясь, вспоминая то самое слово, нужное и единственное. — Станцию! Автоматическую станцию. Пионер 10.

— Хорошо. — Протянул Парсонс. — И что с ней не так.

— Она нашла. Нет, не так! Её нашли! Нашли послание людей, ту пластину. И теперь они знают, что мы есть и идут к нам. За нами! Вы понимаете! Нашли пластину!

— Так в этом и была цель миссии — разве нет? — Однако Парсонс заинтересовавшись, стал подходить ближе. И по его походке было удивительно понятно, что именно эта новость пробудила в нем морского пехотинца, растворив управленца и инженера.

— Да, да, все верно. Но «ОНИ» не те, за кого себя выдают. Это «РОЙ», словно голодных ос. Они вовсе не добрые, они придут за нами, как расшифруют символы.

— Хорошо, откуда вам это известно?

— Этого я сказать не могу. — Мартинес прокашлялся. — Пока не могу.

— Ладно. Так вы говорите, когда они нашли наш «Пионер»?

— 23 января 2003 года.

Невидимая звезда

Штаб-квартира на 300 Стрит, Вашингтон была забита до отказа, но в кабинете Парсонса было по-деловому просторно. Полированный черный лак стола отражал мерцание дневных ламп и добавлял служебного духа. Приглашены на заседание комиссии «Планетарной безопасности» всего шесть человек: четверо техников, один системным программист, имевший прямое отношение к программному обеспечению «Пионеров 10 и 11» и руководитель полетов.

— Как уже известно, «Пионер 10» отклонился от курса, замедлился и вскоре готов изменить вектор движения на противоположный, к Солнцу. — Начал Парсонс. — Простым «Эффектом Пионера», или банально асимметричности теплового излучения самого аппарата, этого не объяснить. В апрельской телеметрии, конечно, были аномалии, но не настолько существенные, поэтому то, что сейчас происходит за, более чем двенадцать триллионов километров, нам нужно очень постараться объяснить. Так сказать, сформировать некоторую концепцию понимания всей сложности.

— Думаю, что необходимо начать с того, что полностью закрыть от прессы всю информацию по «Пионерам» — я так понимал, что подобные «Мартинесы» будут чаще появляться со временем и не всем им мы сможем настолько же безболезненно заткнуть рот. — Внес предложение руководитель полетов Купер. — Второе и не менее важное, усилить техническую и идеологическую составляющие по «Эффектам Пионера», доработать профиль в сторону сокращения пояса Койпера с тем посылом, что гравитационная составляющая многократно увеличилась, и потому мы наблюдаем эффекты торможения. Как вариант объявить о математической выкладке существования планеты X, которая и нарушает все геометрии силовых полей.

— Что еще сказал этот странный тип? Что еще он знает о миссии «Пионера»? Откуда вообще такие познания? Он, что, имеет или имел отношение к НАСА? — Вдруг задался вопросом один из четверых техников.

— Нет. — Ответил Парсонс. — Он из Луизианы, там все такие Мартинесы.

— А это вообще законно? — Высказался еще один техник. — Его не стоит привлечь за распространение секретной информации?

— Вряд ли. — Парсонс оттянул тугой узел галстука, сегодня было ощущение, что ему не хватало воздуха. — Помните — у нас демократия.

— Что говорят в «Сети Глубоко космоса»?

— У них нет данных. Но зато у советов есть интересное представление.

— Да откуда у русских такое оборудование, что лучше, чем у НАСА? Да и Советов уже давно нет.

— Советов нет, а вот РАТАН — 600 и система РТ-70 еще есть. Эти системы, как минимум, мощнее наших, а по-хорошему во многом опережают. Поэтому мы к ним прислушиваемся.

— И что они говорят? — Говорят, что огромный планетоид, или даже планета, предположительно размерами от 0.5 до 1.5 земных. В видимом спектре не отображается, поэтому никем не замеченная до сих пор.

— И когда же они узнали о ней? — Возмутился Купер.

— Давно. Достаточно давно. — Пожал плечами Парсонс, в комнате стало шумно.

— Но на то они и русские, мы тоже не все им говорим, особенно про «Артемиду».

— И что это за планета?

— Русские думают, что это «Фаэтон». — Парсонс всем видом показывал, что не согласен с этим представлением.

— А что мы думаем? — Задумчиво глядя в лакированную столешницу, спросил Купер.

— Особо ничего. Официальной версии еще нет. Но есть частное мнение Мартинеса, хотя оно абсолютно антинаучно, но пока другого нет. — Парсонс прикусил губу, сомневаясь говорить ли подобное, но решился. — Мартинес считает, что это «шершни», «Улей» или бог его знает, что еще. Одним словом, какие-то космические Жнецы.

— Так может быть Нибиру? — Осторожно предположил программист со сложным именем Ярослав. Он был русским эмигрантом во втором поколении и потому старался осторожничать с личными высказываниями. А тут не побоялся, на него все удивленно уставились. — Захария Ситчин упоминал Нибиру в своих работах и жителей этой планеты — ануннаков. Весьма популярная теория, кстати никем не признанная в научных трудах. Так вот я и подумал, почему бы и нет?

— И правильно, что не признанна — абсолютно из области, даже не фантастики, а домыслов. — Парсонс разочарованно выдохнул — работа комиссии предстояла долгой.

А тем временем, за полторы тысячи миль от Диснейленда Мартинес закатив глаза и обнажив бельма ехал за рулем своего быюика в ночь, на восход новой невидимой звезды.

31 декабря 2002 год. Сент-Дэвидс город-собор, графство Пембрукшир, Уэльс. Великобритания

— А теперь давайте ближе познакомимся с монастырем Сент-Дэвидс и его исключительной историей. Хочу начать с того, что очевидное преимущество заключалось в том, что повторное его посещение, автоматически приравнивалось к посещению святой земли в Риме. — Женщина-экскурсовод, урождённая англичанка, что отпечаталось на её лице непробиваемой чопорностью, задрав нос и прикрыв веки, нараспев читала по памяти зазубренный текст. Ей было «до фонаря» слушал ли её кто-то из этих «дикарей с арабских пустынь» не разумеющих по-французски. Себя она точно считала лучше этого отребья, и не считала обязанной метать «бисер перед свиньями». Ей, сорока семилетней незамужней феминистке, зачем утруждать себя разьяснениями людям, воспринимающие культуру её древней и великой страны, как чуждую, отталкивающую. Этим мигрантам нужно просто сдать экзамен на вид на жительство, а потом перетащить сюда свою семью. Но ей до этого нет дела, скольких из «ЭТИХ» правительство возьмет за взятки. Она отработывала свои часы и пару десятков фунтов — копейки по местным меркам. — Согласно легенде, монастырь на месте будущего собора был основан самим святым Давидом в шестом веке. И потому... — Ей не дали договорить.

— Всех завалю! Хоть одна сука сделает движение, зарежу! — В среднем ряду их автобуса образовалась брешь и из нее то и выскочил этот злобный бородатый злодей с блестевшими злобой глазами. В одной руке нервно дрожал нож длинной не меньше сорока сантиметров, в другой пульт дистанционного подрыва, на нем самом расстёгнута болоньевая серая куртка, под которой на ремне прикреплен динамит. В автобусе выдохнули, склонили головы, подчиняясь, и только англичанка все также стояла, горда задрав нос, отказываясь покориться чужой воле. Или просто не понимала, что происходит — в ЕЁ стране к такому не привыкли. Не обучены.

— Оливия, мать твою, живо на пол! — Заорал на неё водитель автобуса, бывший морской пехотинец, вышедший на пенсию по ранению и теперь вынужденно подрабатывающий водителем автобуса на экскурсиях.

Но и в этот раз англичанка, будто не расслышав, отказалась, не отреагировала на окрик. И тогда бородатый злодей, более не церемонясь, бросился вперед размахивая чудовищным тесаком, врезался в экскурсовода, пробивая той грудь, пах, не целясь, ударяя и ударяя. Он обезумел, предчувствуя вид крови. Но её не было. Крови совсем не было, и Оливия продолжала стоять, возвышаясь над ним, презрительно рассматривая того, будто ничтожество сквозь припущенные веки.

— В 1996 году королевским указом всему поселению Сент-Дейвидс был присвоен статус города. — Продолжила англичанка вести экскурсию, будто ничего не случилось. И тут, видя, что не происходит ничего и подозревая розыгрыш, начали поднимать головы сидящие в автобусе люди.

— Я взорву себя и этот чёртов автобус! — Заистерил бородач, и недолго думая, нажал кнопку подрыва. — Аллаху Акбар!

Но ничего не случилось — взрыва не произошло, но вместо этого, пропало все то, что было снаружи автобуса. Наступила абсолютная, непроницаемая тьма и ничто не способно было её пробить, разорвать. Ни свет, ни звук.

— В городе сохранились также городские ворота XIII века, руины епископской резиденции XIV века и древний каменный кельтский крест. — Продолжала вести экскурсию Оливия. Она протянула руку в бок, что-то показывая в абсолютной темноте, одной ей видимое. Теперь и остальные, ошарашенные, опешившие смотрели туда, куда указывал экскурсовод, а там, в глубине черноты, сверкали первые беззвучные молнии, озаряя нечто, растущее из земли.

г. Москва, Центральный федеральный округ. ФСБ, отдел 22

— У нас снова началось. — Полковник не стучался, рывком открыл дверь, генерал был на месте, перекладывал пожелтевшие листы в простой картонной папке. Полковник хорошо знал генерала, знал как свои руки, прошли многое вместе. Поэтому мог себе позволить так бесцеремонно вломиться.

— Что началось. — Генерал оторвался от документа. — Системы дальнего радиообнаружения засекли вновь этот объект, под кодовым названием «Родина». Исходя из сигнатуры это черная звезда, и она активно воздействует на дальних подступах к Солнечной системе. Некоторые девиации проявляются у нас, на Земле. К тому же она захватила автоматическую станцию «Пионер 10». — А что американцы? — Они делали у нас запрос, очень настаивали. Мы им подкинули идею с Нибиру. — Хорошо, пускай так и думают. Наш план без изменений? Он не требует коррекций? — Пока нет, все идет, как мы и предсказывали. — Хорошо, жду оперативных докладов. И перенесите штаб в это здание. Да, и еще, — окликнул его генерал, — позовите в штаб профессора Селезнева.

Начало конца

Джеймс Мартинес понимал, что ему не поверили. Он и сам бы не поверил в то, что рассказал тому мужчине из НАСА, Уильяму Парсонсу. Во всякие не реальные, выдуманные, будто больным шизофренией, факты. О «РОЙ», об инопланетянах похожих на насекомых, фиолетовых псах со щупальцами в пасти. О «Черной звезде», о которой даже нет еще теории, кроме псевдонаучной догадки. Он вспомнил, как с издевкой отвечал ему Парсонс, — «Это не научно, я бы даже сказал — антинаучно. И кто вам сказал, что НАСА станет это интересно? Планета, говорите, Черная звезда! Да что это вообще такое? Вы в своем уме? Приходите, говорите мне тут всякое. Вы надеялись, что я поверю? А дальше? Что дальше? Каков план? Вы намереваетесь стать знаменитым? Тогда вам на телевиденье — здесь люди работают не за этим, не для того! Вы понимаете, что вообще в мире происходит? Отдаете себе отчет? — Мартинес активно затряс головой, соглашаясь, он очень боялся, что этот мужчина уйдет, так и не поверив ему. — Да будет вам известно, что программа „Пионер 10“ была закрыта в девяносто седьмом. И все-е-е! Вы слышите! Больше ничего. Его больше нет. А теперь уходите!» — Но он не ушел, так же, как и Парсонс. Не ушел, потому что Джеймс рассказал Уильяму о таких вещах, о которых не мог знать посторонний, а после и вовсе ошарашил новостями об умерших родственниках. И он остался. Остался, чтобы рассказать еще о Черной Звезде и о русских, которым все известно, но которые не стали делиться с НАСА.

А потом на пути в Луизиану, ему было вновь видение, в котором аппарат миссии «Пионер 10» падает на планету, скрытую от наблюдателей с Земли Черной Звездой, пробивает защитные металлические облака, и попадает в руки тех самых насекомоподобных страшил. И как те разбирают его, находят те самые пластины, с золотым анодированным алюминием, и как возбужденно верещат, тыкая суставными пальцами в черное железное небо. Джеймс понимал, что с этого момента начался отсчет, и теперь осталось одно — достучатся до президента, убедить его в скорой опасности.

Мартинес развернул бьюик, и поехал в сторону Диснейленда, президент с семьей был там. Он нагнулся к рулю, рассматривая звезды и вновь удивляясь красоте и безграничной глубине космоса. Он еще не знал, что это последнее, что он видел. Видел, как человек планеты Земля.

Странная история из прошлого

— Многое, если не все, не имеет абсолютно никакого смысла, если не имеет обратного опровержения. Но действительно, если подумать — просто фонарь, который моргает в ночи, привлекая одинокое двукрылое существо, возможно болотного комара. Для нас, для стороннего наблюдателя, это просто еще одна причина для существования этой бессмысленной твари на горизонтах Вселенной.

— Этой крупницы, плоть от плоти целого, ничтожной, мелкой песчинки, не видимой глазу, обосновывая всё существование жизни. Ни для кого не оправданной, не подконтрольной, такой случайной, выросшие в насекомое из амебы.

— Это вроде того фонаря, что моргает в весеннем тумане одиноким пятном, у аптеки. А может он тот самый луч света, что так изменчиво и непостоянно привлекает внимание случайного путника, вроде того мифического бога? Вдруг везде катастрофа, везде ужас непостоянства, изменчивости, а здесь, возле воды, возле этого тумана, так регулярно мигает надеждой свет. И возле этого источника света те, кто способен объяснить, помочь, поддержать. Не обязательно люди, главное, чтобы поняли. Вошли в то настроение, что прямо сейчас, в этой аудитории, между нами.

— Но, сколько мы не призываем, всегда и везде тишина. Никто не отзывается, не идет на встречу. А может так и надо? Может единственно правильный путь тот, что в мечтах себе видим? Как было у майя?

— Лишь тот, что умеет мечтать, приходит к мудрости.

— К мудрости. Как это пафосно. О какой мудрости здесь говорят? О той, что позволяет свести концы с концами. О житейской? Но нет.

— Лишь те, что мечтают. — А о чем вы мечтаете? Миллион долларов? Счастья детям и здоровья близким? В этом ваша высшая цель? Или как у классиков, — «Счастья всем, и пусть никто нет уйдет обиженным».

— Но профессор — без обделенных нет и счастливых. — Выступил студент, прерывая стройное мышление Селезнева. — Счастье обязательно строится на несчастье других, и пусть, порой, мы об этом не знаем. Но должна ли нас мучать совесть после этого? Жизнь, сама Фортуна, выбрала другого, нашла более сладкий зад, чтобы вставить серебряную ложку.

— Вот и я про это! Именно в этом бездонье, абсолютный моральный абиссаль — обезличивание! Всегда находится место тому смачному плевок, после которого, приходит понимание, что это было в душу. Мы терпим, или и меняем профессию, где так же, но, другими словами, и типа все «НОРМ». Всё — точка. У подобной психологии, будто у древней профессии, нет границы, нет «Рубикона», где следует остановиться. Но, впрочем, — Селезнев задумался, потом отвлекся, его взгляд сфокусировался на газетной заметке, что желтым пятном выделялась на столешнице, — вот о чем я хотел вам рассказать. — Он взял желтые страницы в руку, поднял над собой. — Вот самое очевидное подтверждение моим словам, заметка в газете «Труд» от сегодняшнего числа. Читаю:

«986 год нашей эры, графство Пембрукшир, Уэльс, монастырь Сент-Дейвидс, Англия. Нашествие норманн грозило очередным великим разграблением юго-запада страны. Но Англию спасло чудо — при наступлении диких племен варваров, буквально из воздуха материализовалась «металлическая повозка красного цвета, у которой было два этажа и свалилась на головы викингам. Из повозки выскочили обезумевшие бородатые люди, странно, не по погоде одетые и напали на опеших воинов. Потом прогремел оглушающий взрыв, окончательно рассеявший захватчиков. Бородачи, вслед за отступающими ордами варваров, рассеялись на местности. В повозке обнаружили одинокую женщину, впоследствии за её деяния, признанной Святой Оливией»

— Я хочу спросить у вас, ничего не напоминает?

В дубовые двери настойчиво постучали, не стали ждать, сами вломились. На черных спинах три буквы «ФСБ». Учтиво обратились к профессору, предложили пройти.

«ФСБ» не принято отказывать, Селезнев добровольно-принудительно согласился. Попрощался с группой.

— Что случилось? — Обратился профессор Селезнев к старшему группы.

— Ничего серьезного. Вас вызвали в 22 отдел. На месте все узнаете. — И его, в окружении людей в черной, сопровождали по лестнице вниз.

Вышедшие преподаватели, активно обсуждали появление силовиков в университете.

— Мы знали, что с Селезневым что-то не так! — Зашептались в дверях. — Мы говорили.

Чудовище

Мартинеса рвало. Он остановился на обочине покрытой известняковой пылью, черт-знает-где. Хотя за тридцать минут до того, как ему стало плохо, он видел указатель «Сьера-Бланка», а это уже имеет координаты. Вон она, укрытая верхушка снегом блестит в ночи, под звездами. И кто знал, как его сюда занесло, почему он сбился с маршрута, прочерченной черной ручкой по карте на восточное побережье?

Его рвало безбожно зеленой жижей, до бессилия, до синевы на лице и не хватки воздуха. Выходило струей и комками, которые застревали в глотке наподобие пластичной глине, давя, словно пробка на то, что еще оставалось в нем, не пуская хода воздуху в легкие.

— Боже! — Взмолился Джеймс. — За что! Что я сделал не так? За что ты меня мучаешь? — Он задохнулся новым позывом, рвота прошла через нос, её отвратительная горечь резала слизистую. Но он не мог сопротивляться, будучи простым наблюдателем, и даже представлял себя со стороны, вернее сверху, как он, перегнувшись в три погибели, скрученный и выжимаемый будто тюбик кетчупа, выблевывает из себя... А что, собственно, это было? Неужели его отравили в НАСА? Но чем? Он ничего не ел. И это не мог быть газ, вокруг было полно людей, сотрудников агентства. Тогда что? Может это то бурито, что он купил в придорожном кафе. Тот-то тортилья показалась ему странной. Но, нет. От бурито не бывает такой реакции. Тогда что?

Сверху пошел дождь и был он не просто водой с неба. Мартинес мучительно поднял голову кверху, туда, где должно было быть небо, где звезды бесстрастно сверкали булавочными головками. Где должна быть Луна, но где не было ничего! Только черное непрозрачное, шевелящееся отростками пятно. И из него-то и лилось. Джеймс оторвал руку от теплого, нагретого еще днем, асфальта, подставил раскрытой ладонью под тяжелые черные капли — жидкость не растекалась пятном, оставалась каплей и маслянисто скатывалась вниз. Это точно не было водой!

Он попытался встать — нужно выйти из потока, чтобы это ни было! В груди зашевелилось, защеколало по ребрам — что-то искало путь в нем, что-то внезапно ожившее, загадочное, не понятно как попавшее в него. Он вновь почувствовал приступ рвоты. Пришло видение, какие были ему обычно — вещее, внезапное, им неконтролируемое:

«Черная лохматая звезда, невидимая, а рядом с ней такая же черная планета, не вращается вокруг, будто зависшая в точке Лагранжа. Но не было второго массивного тела, чтобы уравновесить систему. Хотя было. Оно было, Мартинес знал, что это. Им было Солнце — Черная Звезда заходила в Солнечную систему, и потому было это равновесие. А еще на черной планете иногда вспыхивали разряды молний и тогда было видно тени, они шевелились отростками, будто щупальца гигантского спрута».

Мартинеса вырвало, щекочущее ощущение поднялось выше, в глотку, через рот и ноздри. Вывалилось наружу. Зашевелилось щупальцами. Он хотел закричать, хотел сбежать, но было поздно. Теперь навсегда поздно. Мартинес почувствовал, как горячая струя потекла по ногам, но ему было плевать. Он хотел бы умереть, но теперь не умрет никогда, если его не убьют. Он посмотрел назад, там, где был указатель «Сьера-Бланка», развернулся и пошел, хотя не пошел, а опустился на четыре конечности, вывернутые, исковерканные, фиолетовые и поплелся в сторону снежной шапки. Ему было видение, что там кто-то его ждет с фонарем в руке, кто-то, кто укажет ему новый путь.

Ждем сигнал от «Пионер 10»

— Что ж вам сказать? Да, есть такая гипотеза о Черной Звезде. Это не совсем классическая физика, и потому предсказать ее поведение весьма сложно. Однако, что будет ясно в ближайшее время — возможно ли формирование у неё Горизонта Событий, и соответственно превращение Черной Звезды в Черную Дыру. — Полковник пытался объяснить генералу то, что недавно вдалбливал ему профессор Селезнев.

— Пригласите Селезнева. Он здесь?

— Да. — Полковник рванулся в коридор, облегченно выдыхая — космическая физика была не его сильная сторона. Обратно он уже вошел с профессором.

— Скажите, профессор, что вы думаете об этом. — Генерал, не здороваясь, сразу перешел к делу, подтолкнул простой картон папки в сторону Селезнева. Та проскользила по полированной столешнице и остановилась ровно воле профессора — чувствовалось, что генерал оттачивал это движение. Профессор ознакомился, полистал для верности еще раз листки с напечатанным текстом, посмотрел фотографии, покивал головой, ответил:

— Черная звезда, без возможности выродиться в черную дыру. Формирует в себе странное состояние пространство-времени, влияние которого мы вскоре ощутим на себе, если уже не ощущаем. Рекомендую начать реагировать на эту новость прямо сейчас.

— Американцы ничего не знают о Черной звезде, но утверждают, что якобы их «Пионер 10» столкнулся черной планетой. Они вывод такой сделали из последней сигнатуры. А еще они утверждают, что вскоре, а точнее 23 февраля, нам будет послан сигнал от инопланетян. Как вы относитесь к такому? Чушь? А ведь это заявляет агентство НАСА.

— Осталось двенадцать дней. — Селезнев для чего-то посмотрел на часы. — Успеем ли мы? Все начнется с сигнала «Пионера 10».

Наследники Оумуамуа. Тайна кометы Атлас

Оумуамуа всё же была разведчиком. А вот то, что пришло после неё, после, так называемой «кометы», не совсем укладывается в наше привычное мировоззрение.

«Атлас» принесла с собой новую эру, и мы, земляне, имеем возможность лишний раз убедиться в правоте Стивена Хокинга, утверждавшего о «вовсе не добром к землянам инопланетного разума».

2 октября 2025

— **ОН ИДЁТ!** — Колокольчик тревожно зазвенел. — **ОН ИДЁТ!** — Белый нищий, в оборванной одежде, воздев правую руку к небу и зажав в ней латунный колокольчик, похожий на тот, что вешают над дверьми, предупреждая о вновь пришедшем, рваными мелкими движениями, тряс ею. Колокольчик всегда резко и жалобно откликался на нервное движение, верно, до последнего исполняя свой долг, предупреждал, что: — «Он идёт».

— Люди! Не верующие, грешные! Опомнитесь, исправьте свои дела, обратитесь к богу! Вот он шанс! — Рука нищего мелко задрожала, колокольчик захлебнулся в надсадном звоне. — Не смотрите на верх!

Виктор Мормонт проходил мимо, наблюдал эту сцену, но никак не реагировал — мало ли подобных «вновь обретших веру» блаженных встречается в центре «Гнилого Яблока». Да и куда ему, рядовому сотруднику НАСА, а конкретнее малоизвестного и вечно недофинансированного отдела «Сети глубокого космоса», знать о всех тех богах и демонах, которые «вот-вот» спустятся на грешную Землю, а конкретнее сюда, в центр Нью-Йорка, навести справедливость.

Вокруг них: высотных монолитных, бетон-стекло, зданий; вокруг случайных и многочисленных серых, в цветные пятна, пешеходов и машин: от желтых кебов до черных огромных джипов спецслужб; кроваво-красных сигналов светофоров и бензиновых выхлопов, серой шевелящейся деловой массы и запахов уличной кухни — кружилась золотая осень, поднимая вверх чистые желтые листья клёнов и кем-то оброненные листы «Нью-Йорк Таймса». Мормонт шёл мимо и боялся поднять глаза, опасаясь зацепится взглядом с вопрошающими, нуждающимися, потерянными и просто «людьми». У «людей» всегда было что-то такое в глазах, что заставляло остановиться его мыслям, привнести неуверенность его действиям. Да к тому же его замкнутость и боязнь открытых пространств всегда играла с ним жуткую шутку, обрушиваясь какофонией безумств цивилизации. Нет уж, лучше в его лаборатории, там, где множество мониторов, подключенных к вычислительному центру, предоставляет миллиарды мегабайт информации о темном царстве космоса.

— **ОН ИДЁТ!!** — Неожиданно голос белого бродяги стал много громче, буквально толкнув Мормонта в лопатки. Он, удивленный этой бесцеремонностью, обернулся.

Бродяга стоял сразу за его спиной, хотя прежде их разделяло не меньше сотни шагов, и смотрел на него. В глаза. В его, Мормонта глаза. Странно, но от него не пахло дешевой брагой, обычно своими тошнотворными флюидами душившей проходящих мимо, буквально хватая за горло, и выдавливая сознание. Нет, этот белый бродяга буквально благоухал дорогими древесными нотами неузнанного аромата, а еще ЭТО — его руки. Руки бродяги совсем не дрожали!

— **ОН ИДЁТ!** — Приблизившись вплотную к самому лицу Мормонта, зашептал бродяга, обдавая ментольной свежестью. — **ОН ИДЁТ!** — И тут Виктор заметил в руках «нищего» дно картонной коробки, на которой черным маркером написано:

НЕ СМОТРИ НАВЕРХ! ОН ИДЁТ!

Колокольчик вновь звенел в сотне шагов от Мормонта, а он, опешивший, оцепеневший от ужаса, стоял посреди пешеходного перехода, в десятках метрах от спасительного бульвара. А вокруг ползли в пробке черно-желтые силуэты, нервно сигналив в пространство, требуя их пропустить, возмущались человеку, у которого закончилось время для перехода.

25 декабря 2025 год

— О чём вы говорите! Какой, к чертям, гравитационный маневр! — Глава Европейской Космического Агентства, Йозеф Ашбахер, гневно сверкая глазами, но не оттого, что не мог поверить, а для того, чтобы скрыть свой страх, сжав до белых пятен в правом кулаке отчет миссии НАСА «Планетарной безопасности», размахивал им перед лицом своего заместителя. Обычно в его кабинете небывало пусто, но не сейчас. Не сейчас, когда речь шла о том, что какой-то псевдоколлега, «недоучка, в астрономии не смыслящий», астрофизик из Гарварда Абрахам Леб, оказался прав.

За окнами, в Парижской штаб-квартире ЕКА имени Марио Никиса, что в самом сердце пятнадцатого округа, лил проливной осенний дождь. Вода водопадом струилась по наружным панелям и огромным панорамным окнам. Вид осеннего города расплывался серыми мутными пятнами, изредка по небу прокатывался гром. Но здесь, в сухом бетонном помещении, созданном для того, чтобы обеспечить современному человеку современный комфорт, было тепло, сухо, а гром отдаленно напоминал о себе расплывчатым эхом. Было не до непогоды, атмосфера внутри напоминала жерло разбуженного вулкана.

— Предстоящий гравитационный маневр. — Поправил его помощник. — Достоверно не известно.

— Это ты о вероятности в восемьдесят девять процентов говоришь, что достоверно не известно? Да ты в своем уме? Не это ли значит, что если он и вправду будет, то эта, будь она не ладна...

— Атлас, господин...

— Гребаный Атлас совершит преднамеренный маневр перехвата Земли! — Он оттянул галстук, внезапно вцепившийся в глотку и душивший его. — Что еще НАСА говорит?

— Говорит о срочном совещании стран в рамках миссии «Планетарной безопасности». Приглашены Индия, Пакистан, Япония, вы, как глава Европейской Космической Миссии. Во главе Россия и Америка.

— Уже есть какое-то понимание в противостоянии с угрозой.

— Да, президент Трамп выступил в новостном эфире, как главнокомандующий. Его выступление продублировано в каждой стране и, пока встречено неоднозначно.

— Интересно, и что же предложил президент.

— Он приказал высадиться на Атлас морским котикам и заложить «сранный» ядерный заряд, чтобы «разнести этот чертов астероид». А также президент проинформировал блок НАТО и ООН о заморозке всех конфликтов, а также финансирования военных действий. Америка, присоединилась к заявлениям России и Китая, и призвала сосредоточиться на противостоянии космической угрозе. К этому заявлению присоединились страны большой семерки, Страны БРИКС и ближний восток, а также страны Южной Америки. Можно сказать о том, что впервые человечество объединяется в противостоянии общей угрозе.

— Но почему президент сказал, что это астероид? Может он имел в виду комету? — Спросил Ашбахер о том, что его как главу ЕКА волновало больше всего. — Что подумают налогоплательщики, если увидят разночтения наши с НАСА?

— Нет, — помощник кашлянул в кулак, открыл планшет, зачитал: — «Приказываю особому отряду морских котиков выдвинуться и заложить этот СРАНЫЙ ядерный заряд, что разнести этот ЧЕРТОВ АСТЕРОИД. Все нации, вся планета Земля, должны знать, что Америка и американцы...» — Дальше вы знаете. — Помощник вновь крикнул в кулак. — А что касается наших налогоплательщиков, то скорее всего они правильно сориентируются в последних новостных лентах и расставят верные точки.

— Да, знаю. — Он сдержался, чтобы предательский «хмык» не выдал его истинного отношения. — Что говорят китайцы и русские.

— Пока молчат. В основном комментарии следующие: — «Слишком мало данных для принятия решений». — Хотя Китай и Индия увеличили финансирование лунных миссий.

— Ну а что же русские? Почему они молчат? Что они собираются предпринимать?

— Есть предположение, что их наземные радиотелескопы уже давно распознали суть Атлас и просчитали новую орбиту. Русские всегда так, когда что-то знают — молчат. Хотя, есть большая вероятность того, что они втайне обмениваются информацией с «НАСА», прежде всего со «Спейс-Х».

— Плохо, это очень плохо. — Он пожевал желваками, помял отчет НАСА в кулаке, решился. — Есть что-то еще... скажем необычное.

— Да, вот это. — Помощник протянул длинную ленту шифровки. — Это сообщение мы получили со станции «Апокалипсиса», работающая где-то на территории России. Хотя, я так думаю, это сообщение доступно было многим, но вот расшифровка. — Он протянул главе листок. — Прочтите.

Глава уткнулся в белый лист, испещренный черными печатными буквами:

«ОНИДЕТЬ. ЧЕЛОВЕК. ЖДИБЕРЕЗУ. МОРМОН. ОНИДЕТЬ. ЧЕЛОВЕК. СКАТЛАС»

— И что это? — Разочарованно вернул шифровку глава.

— Наши специалисты считают, что это послание какому-то определенному человеку. Как они думают, здесь говорится о неизвестном белом мужчине, сообщается что он куда-то идет, что каким-то образом связан с мормонами. И еще вот это слово — «СКАТЛАС». Нам кажется, что это о комете «Атлас», но мы пока не знаем, что это.

— Хорошо, как выясните, свяжитесь со мной.

27 декабря 2025 год

Виктору Мормонту был сон.

«Он шел по незнакомой местности, изрезанной изломами, оврагами и балками. Стояла удивительная сушь для такого времени года, и почему ему казалось, что здесь всегда так. Была ночь. Луна желтым прожектором освещала все вокруг, а звезды серебряными булавами, прибитыми к небу, мерцали ему одобрительно. Виктор знал, что не все они были звездами. Некоторые серебряные булавы он узнавал: вон отчетливо угадывался Юпитер, Бетельгейзе, Ригель. Здесь так же был декабрь. Но что удивительно — совсем нет снега. Пожухлая выгоревшая желто-серая трава пучками торчала то тут, то там. Кустарники острыми расческами отбрасывали тени на черно-серую землю. И тишина. Вокруг такая стояла тишь, что он отчетливо слышал стук своего сердца. Ни стрекота кузнечиков, ни крика случайной ночной птицы, ни писка полевых мышей. Ни-че-го. Зато была она — снова Луна.

Виктор огляделся по сторонам. Слева от себя, метрах в пятистах, увидел электрические ртутные огни, и желтые, теплого света. Опоры освещения и окна деревенских домов. Для сна, конечно, странно, но решился быстро, пошел на разведку. Тем более ничто не предвещало беды, да и к тому же, он всегда мог проснуться, не раз так делал в контролируемом сне — заставлял себя выныривать из сновидения, когда он становился не контролируемым.

Он шел по изрезанной местности, внимательно глядя в то, что под ногами. Действительно часто попадались валуны, исторгнутые землей, старые противопожарные пашины, низкорослые кустарники, норовившие схватить за штанину, остановить. Луна теперь светила ему в спину и это было очень удобно, она будто ночной прожектор освещала ему путь.

И все же было острое чувство, что это не сон. Что это реальность, и стоит ему попробовать вырвать с корнем вот это колючий кустарник...

От неожиданности Виктор вскрикнул, поднял руки, ладонями к лицу, в коже застряли острые колючки. И сразу раны закровоточили и засадили.

— Чёрт! — Чертыхнулся он. Но это все еще был сон, и он заинтересованный схожими с реальностью ощущениями, намеревался пройти этот путь до конца и разобраться в тайном смысле этого послания. То, что сны были ночными посланиями, Виктор нисколько не сомневался.

И вот уже он стоял возле первого двора: изгородь из гибких веток, что за дерево использовалось в её изготовлении, Виктор не знал. За ней чахлый сад с пожухлыми либо умершими растениями, цветами. Травы не было совсем, что говорило, что двор не пустует. В центре изба, с белеными стенами, пятно окна с деревянными рамами и свинцовыми блюдами стекол, тускло поблескивающими лунной радугой. В одном окне желтыми тусклый свет, дрожит, ходит по избе бликами. Он поискал взглядом, нашел калитку, взялся двумя руками, намереваясь открыть. Ладони пронзила острая боль — шипы он не удосужился вытащить. Приподнимая одной рукой и отодвигая калитку в сторону, зашел вовнутрь, из второй зубами вырывая застрявшие шипы. В деревне ни одна собака не залаяла, не предупредила спящих хозяев о непрошеном госте.

С торца избы обнаружилась просевшая деревянная дверь, неровно покрашенная коричневой краской. Виктор скорее бы охарактеризовал, что дверь была испачкана, чем заботливо покрашена. Постучался, под костяшками пальцев обнаружил вязкое, теплое. Поднес руку к глазам, пальцы испачканы в коричневом. Поднес ближе, и ронял, что это не краска. Кровь. Чья-то кровь, причем запачкавшая только дверь и большие ничего. Доски у двери, проложенные видимо для того, что отряхнуть ноги усталому путнику, в земле — ни капли крови. Белые стены — белые стены, ни капли крови. Только дверь, будто её намеренно кто-то вымазал.

— Ну, ладно. — Подумал он, немного опешивший от такого «расклада». — Сон, значит сон. — Постучал вновь, но внутри ни звука. Хозяин не поднялся, ворчливо показывая неудовольствие незваному гостю, домашние не зашумелись, тихо меж собой любопытствуя «кого чёрт принес».

Виктор не стал ждать, толкнул дверь, та, приветствуя его, распахнулась, страшно скрипя, оглашая окрестности приговором сна. И вновь собаки не залаяли, деревенские петухи, разбуженные ранние времена, не закричали приветствие утру, хотя до него еще далеко. Он вошёл вовнутрь.

Чисто, сухо, пыли совсем нет. Из мебели: грубые деревянные лавки, такой стол. Они длинные, делят избу пополам: слева беленая печь, и за шторками вторая комната, видимо хозяйская спальня; справа окна и под ними еще одна лавка. На деревянном столе одиноко светил парафиновая свеча, её пламя подрагивает, давая рваные отблески на стены, потолок, редко пол. Никого.

Он прошел в центр, огляделся. Ничего интересного и примечательного, кроме того, что изба пустовала. Поднес руку ко рту, зубами уцепил край шипа, вытащил из кожи. Появилась капля крови, заиграла, переливаясь в свете одинокой свечи.

За шторкой, так где должен был ночевать хозяин, заспело, заурчало утробно желудочным соком. Виктор почувствовал, как холод пробежал по спине, схватил ледяными ладонями за лопатки, опустился ниже, к желудку и остудил все внутри. Ужасно страшно и неожиданно.

— Проснись! Проснись! — Приказал он себе, но ничего не происходило. Виктор вцепился себе в предплечье пальцами, выкрутил до белизны кожу, причиняя боль. Засаднили ладони, зажгла кожа предплечья, но ничего не произошло.

— Вишиктооор... Ты здееесь... Вооооот ты... Иди кооооо мнеее... — Чужой, нечеловеческий голос зашипел за шторкой. Виктор вдруг понял, что ноги, его ноги, больше не его! Они буквально подчинились страшному голосу, понесли навстречу шторке. А та колыхалась, встречая долгожданного гостя.

ЖДИ ЧЕРНОГО И БЕЛОГО. МОРМОН. СКАТЛАС.

Появилась надпись буквально в воздухе, но Виктору уже было безразлично, его глаза закатились, обнажая рыбы бельма. Виктор шептал:

— Не смотри на верх, не смотри на верх...»

— Виктор! Виктор! Что с тобой? Очнись! — Престарелая женщина, его мама, проходившая мимо комнаты взрослого сына и услышав страшные звуки, вошла и опешив от увиденного, теперь трясла его за плечи. А Виктор бился в конвульсиях, исторгая изо рта серую пену, а на ладонях, стигматы, пробитыми темными дырами, исторгали толчками бурую кровь.

— Помогите! Помогите же кто-нибудь! — Призывала женщина. А внизу, на первом этаже, там, где на стене, заботливо прикрученный висел огромный плоский экран телевизора, а вокруг него фотографии Виктора. Вот он в академии, в шапочке с помпоном, счастливо улыбается, рядом мама. А вот он за рабочим местом, а за спиной фотография, на которой он с мамой на награждении в академии, оба счастливые и гордые. А дальше он еще на запуске космической миссии, мыс Канаверал, а рядом улыбающаяся мама. Ниже грамота и золотая медаль, с подписью: — «За заслуги Виктору Мормонту. Аэрокосмическое Агентство НАСА». На экране телевизора мужчина-диктор, вещал значительное с серьезным лицом, прохаживаясь по студии, со стен которой вещали новую траекторию кометы, которая огибала Солнце и стремилась к Земле:

— ...последние наблюдения за космическим объектом 31/ATLAS говорят о том, что межзвездный путешественник перестал быть кометой. Автоматическими станциями дальнего наблюдения, которые неотрывно наблюдают за «объектом» последние четыре месяца, дают повод для тревоги. 31/ATLAS больше не распространяет вокруг себя так называемую

«кому», к тому же она резко сбросила скорость с, более чем, пятидесяти километров в секунду до второй космической скорости. Сотрудники НАСА считают это управляемым полетом.

Так же есть мнение нашего эксперта, профессора Гарвардского университета, астрофизика Абрахама Леба, о том, что комета 3I/ATLAS вовсе не комета, а межзвездный корабль, о чем он предупреждал еще с «пришествием» Оумуамуа. Но, если Оумуамуа была разведывательной миссией, то 3I/ATLAS может оказаться настоящей экспансией. То же об «межзвездном разуме» говорил Стивен Хоккинг, что не стоит ждать «добрых инопланетян», скорее всего мы для них окажемся муравьями. И уже теперь становится ясно, что Парадокс Ферми, утверждающий, что мы одни во Вселенной, не верен. Остается понять: радоваться этому или нет?

И еще: как недавно стало известно, десятого августа две тысячи двадцать пятого года, недалеко от Папуа — Новой Гвинеи, упал еще один межзвездный странник, которому присвоили имя собственное — CNEOS 2025—10—08, как впоследствии выяснилось — осколок 3I/ATLAS. Экспедиции, возглавляемой Агентством НАСА, удалось выловить остатки, которые представляли собой расплавленные сферы межзвездного вещества. Конкретно что это было, не уточняется. Возглавлял миссию сотрудник Агентства Виктор Мормонт ...

3 мая 2026 год

— Вчера только доставили из Склифосовского, буквально с боем пришлось выбивать, доказывать, что это, мало того, не их случай, а к тому же возможно окажется смертельно заразным. — Мужчина в черном костюме, выкроенным под заказ и благоухающим дорогим одеколоном, кивком головы указал на человека за пуленепробиваемым стеклом.

Условный «зараженный» оказался весьма интересным «экземпляром» — в шкурах диких животных, нечёсанные черные волосы спадали до плеч, черная же борода, как и нависающая челка скрывали черты лица. «Вновь поступивший» горбился и не стремился рассмотреть помещение, в котором находился. А помещение стоило того, что бы его рассмотреть: белый свет лился отовсюду со скрытых светильников, но не ослеплял, но и не давал теням расти; потолок растворялся в высоте, придавая значимости помещению и только тихий шелест вентиляторов, подсказывал, что он всё есть; само же помещение — круглое, без единого угла и без мебели, всё для того, чтобы «вновь поступившие» не смогли нанести себе вред; и, конечно, огромное антивандальное зеркало, перед которым растянута мягкая волокнистая сетка. И всюду, везде камеры, установлены так, чтобы все видеть, всё знать о «гостях». Здесь всё говорило о том, что «хозяева» рады гостям.

Рядом стоявший с первым человеком в черном костюме, в точно такой же одежде, но позволивший себе расстегнуть пуговицы пиджака, молчал и сосредоточенно наблюдал за происходящим за стеклом. Эти двое долго молчали прежде, чем заговорить, а заговорив, почти не меняли интонацию, будто говоря этими безликими фразами, — «Вы болезнь, а мы лекарство».

— И откуда, вы говорите, приехал этот экземпляр? — Мужчина с расстегнутым пиджаком повернулся к первому, на лацкане пиджака блеснул бэйдж «Центральный Федеральный Округ. Москва. ФСБ. 22 отдел. Михайлов Дмитрий Олегович. Подполковник. Особо важные...» Световые блики не давали все прочесть, да и не было нужно — эти двое хорошо друг друга знали.

— Плато Путорана. Когда его нашли, с ним происходили, как это сказать... странные вещи. Даже для нас странные.

— И насколько странные? — Первый передал Дмитрию Олеговичу пластиковую корку с серебряной прищепкой, которая держала пачку исписанных листов — доклады местных оперативников 22 отдела. Михайлов ознакомился:

«Село Ильинское. Зона отчуждения №6/2025-12-06. 22 февраля 2026 год. Найден человек без прошлого, приписки и опознавания. Найдены следопытами/сталкерами, которые браконьерили на территории зоны отчуждения. Найденные артефакты оставили им, так как это не прерогатива отдела. В благодарность следопыты раскрыли обстоятельства нахождения «чужака», как они сами его называли.

При очередном незаконном посещении они на прежнем месте, там, где обычно располагались всякого рода аномалии, появилась неуказанная ранее деревня. Сами следопыты описывают её так: — «Избы, беленые стены, изгороди из ивняка. Пожухлая трава, изрезанная местность складками и оврагами. Новая местность им незнакома, так как не принадлежит местному ареалу. Нигде нет снега, и судя по погоде — октябрь. В одной избе, у которой дверь в коричневой краске измазана и по признакам, недавно была «покрашена», нашли его в комнате за простой шторкой. «Чужак», по всем признакам, был вне себя, агрессивно реагировал на человеческую речь, нечленораздельно пытался отвечать, а после и вовсе набросился на одного из местных. Следопыты, из жалости, приложились к нему — как они сами рассказывали, и притащили его, связанного, в Ильинское. Вызвали полицию, а те уже сообщили в ФСБ.

Напоминаем, что Зона отчуждения №6/2025-12-06 образовалась после падения кометного фрагмента 3I/ATLAS, без образования кальдеры и импактовых валов. После появления аномалий почти вся территория плато Пutorана объявлена зоной отчуждения».

— А теперь смотрите сами. — Первый достал простой черный брелок с одной большой кнопкой по центру из кармана пиджака, нажал её. За стеклом тревожно забился красный свет, ему вторила истошная сирена. Человек за стеклом замерцал полосами, которые то появлялись, то пропадали, обнажая всю противоестественность «зараженного». Человек все так же не шевелился, показывая полное безразличие к происходившему.

— Это что за «мерцание»? — Заинтересованно спросил Михайлов.

— Мы замерили его, и вот что показывают приборы. — Первый передал подполковнику еще одну пластиковую корку, с серебряной прищепкой, державший напечатанные на белых листах отчет лаборатории. Дмитрий Олегович читал и лицо его было бесстрастно.

— Мм, как интересно. — Михайлов почесал подбородок. — Он как будто сразу в двух местах находится, как интересно. Так, а здесь, указывается, что вы смогли отследить второе место его существования, и оно в космосе. Интересно. Координаты совпадают кометой «3I/ATLAS». А тут мне уже начинает казаться, что во всей этой истории, постоянно кем-то уничтожаются следы случайностей, как будто нам буквально подсовывают факты. — Подполковник задумался. — Генералу доложили? — Получив отрицательный ответ, кивнул головой, соглашаясь с решением — генерал не любил вопросов без ответов. — Что еще известно о «поступившем»?

Первому не дали ответить, в стекло изнутри с силой, преодолевая натяжение защитной сетки, врезалось тело, «вновь поступивший», стоял напротив них и будто видел через «зеркало». Хотя слово «видел» было весьма спорным — свои глаза он держал в раскрытых вверх ладонях. На сотрудников 22 отдела «смотрел» человек пустыми глазницами и... улыбался странно белыми и целыми зубами. Поднял руки показывая то, что он сделал, а потом сказал ЭТО, голосом спокойным, плавным:

— Я видел АД. Я ЕГО видел. **НЕ СМОТРИТЕ НА ВЕРХ.**

— Это что? — Спросил Михайлов первого.

— Медики. — Первый нагнулся к пульту перед зеркалом, перегнул гибкую подводку микрофону, спокойно проговорил. Было ощущение, что этим двоим не ведомы эмоции. — Минус четвертый этаж, залы 2Д.

4 июля 2026 год

— Господин Президент! — Говоривший отчаялся. Они, все тут собравшиеся представители европейских стран, не привыкли, что с ними так общаются. Они привыкли договариваться. Но как договорится, с тем, кто не желает тебя слышать? — Мы же даже не знаем, что это!

Необычайная жара в Париже в плюс сорок восемь градусов по Цельсию в тени, побившая столетние рекорды, не стала помехой для собравшихся — в зале заседаний директора и министров ЕКА, на пределе возможностей работали кондиционеры. Их, ранее ненавязчивый шелест, перерос в подозрительно панический гул.

— А все потому, что вы всегда рассчитываете на великую Америку! Все рассчитывают на Америку! И Америка принесет вам желаемое! Говорите, что это не комета? Говорите, что это, ВОЗМОЖНО, — президент повысил голос, — космический корабль? А я вам скажу, что это! — Все это время президент разговаривал с представителями Старого Света на повышенных тонах. Все потому, что они без него, без Америки, не могут, не знают, не умеют. — Мормонт, будьте любезны.

Из-за спины телохранителей вышел невзрачного вида человек, просто одетый, в очках. Белозубо и как-то беззаботно улыбавшийся. Оглядел их, приветственно кивая всем, но не особо ожидая приветствия в ответ. Но если особенно внимательно присмотреться, то можно было разглядеть пробитые отверстия в ладонях пришедшего — так называемые стигматы, но вряд ли все смогли их наблюдать — Мормонт старался себя контролировать и поворачивать раскрытые ладони к залу. По той же причине вряд ли их видел и президент, а спецслужбам при президенте, видимо дали прямое указание допустить странного человека в зал совещаний.

— 8 октября 2025, у берегов Папуа — Новой Гвинеи, нами были найдены осколки межзвездного объекта, которые содержали остатки межзвездного вещества, а точнее биологическую материю, которую впоследствии связали с образовавшейся комой кометы 3I/ATLAS. В ходе проведенного нами анализа, были выявлены агрессивные формы живого клеточного организма, который эволюционировал, если так можно сказать, в агрессивную форму полипа. В ходе проведенных экспериментов над мышами пострадали несколько научных сотрудников, которые, подвергшись влиянию «космического разума» — я допускаю корректность термина в этом случае, проявляли сверхспособности, формированию аномалий и агрессивному поведению к участникам эксперимента. Организованные колонии полипов мы назвали «Хозяин голов». Пришлось дойти до крайности, потому как выявленные новые возможности «пострадавших», угрожали национальной безопасности, «зараженные» были ликвидированы. Нами, НАСА, отделом «Сети глубокого космоса», а также «Планетарной безопасности» даны рекомендации к уничтожению межзвездного объекта 3I/ATLAS. Мы так же считаем, что миссия на транзитный «астероид», — Мормонт изобразил виртуальные кавычки, — Оумуамуа была отменена поспешно — любые пролетающие «астероиды», кометы», «малые планеты» и даже пушечные ядра, необходимо подвергать уничтожению, в целях предотвращения захвата Солнечной Системы.

— Вы слышали? — Трамп в нетерпении хлопнул ладонью по столу. — И никаких «Возможно», теперь то вы знаете! Или вас нужно лично познакомить с этим, как его... «Хозяином голов»? — В ответ ему энергично отрицательно закивали. — Хорошо! Значит решено! Тем более вы помните какой сегодня день? — Те смущенно пожали плечами. — Сегодня день независимости Америки! Великой Америки! Я уже подписал указ о формировании космической миссии, астронавты, в составе спецподразделений, готовятся для высадки на этот чертов астероид. Илон меня поддержал. — Он поднялся из-за стола, в зале раздались шаркающие звуки

ножек стульев, все встали, признавая лидерство одного, оглядел зал, всех присутствующих. — Мы не допустим Армагеддона.

Президент пошел к выходу, в зале возбужденно зашептались, обсуждая услышанное. Неожиданно он развернулся у выхода и активно отмахивая руками, вернулся к столу, громко перебивая министров, проговорил:

— Чуть не забыл! Мой дорогой друг, Владимир, в свете происходящего с Атлас, передал секретную информацию по аномалиям, связанными с появлением этой, так сказать кометой. — Вот здесь, — он протянул руку в сторону окружающих его сотрудников спецслужб, в нее моментально вложили кожаный кейс с золотым оттиском Пентагона, — часть из того, что я могу показать, учитывая мировую истерику, вызванную приближающимся внеземным событием. В этой папке, — Трамп кивнул на кейс, который очень аккуратно положил на столешницу, прижал указательным пальцем, будто не желая расставаться, — малая глава от наработок России. Их служба ФСБ называет ЭТО, — постучал ногтем по папке, обшитой кожей, — «Хроника мутантов». Всем рекомендую, а то вы тут... Впрочем ладно. Жду в скором времени вашего согласия на все предложенное. — И он походкой хозяина вышел из зала заседаний комиссии Европейского Космического Агентства.

26 ноября 2026 год

— Как он это сделал? — Профессор Селезнев. Его снова вызвали в 22 отдел, и снова по «делу, не терпящему отлагательств». Впрочем, 22 отдел по-другому и не вызывал его, рождая в преподавательской среде новые поводы посудачить и построить теории заговоров. И сейчас, сидя у нержавеющей операционного стола, на котором лежало под белой простыней вскрытое тело мужчины средних лет, сильно заросшего волосами на голове и чудовищной, давно не чесанной и не мытой бородой, скрывавший истинный возраст умершего. На теле мужчины, старыми, затянувшимися ранами, выступали символы и, казалось, что нанесены они были в хаотичном порядке, не неся в себе никакого значения. В провалах пустых глазниц синяя кожа век натянута, чтобы случайно не обескуражить видом пустоты.

— Патологоанатом нашел под ногтями «неизвестного» куски застарелой кожи. Личность так и не смогли установить. Мы думаем, что умерший сделал это намеренно, возможно это послание. — Подполковник Михайлов был бесстрастен. — И еще вот это. — Михайлов протянул пластиковую корку, к которой серебряной прищепкой прижат отчет патологоанатома. — Доктор считает, что он, — подполковник кивнул на тело, — не человек. По крайней мере человеческих органов в нем нет. Похожие — да, но не человеческие.

— Насчет послания вы правы. — Селезнев полистал отчет, всматриваясь в фотографии, поводил пальцем по символам, узнавая. — Это шумерский язык, начало-начало всех эпох. Что-то я могу прочесть, на что-то мне понадобится время и мой кабинет в институте. — Он взял с инструментального стола настольную лупу с подсветкой, сунул под неё одну фотографию, потом другую. Вот здесь говорится о выживших, сейчас я зачитаю то, что понял:

«Еретики Этернуса... наемники „Пакт Термины“... выжившие с Фалион Прайма. Спасательная миссия Яндо-Бадми, бегут от Рахни-Сары. Несут смерть Рахни-Сары. Нужна помощь. Выжившие. Дети. Спасти. Нельзя атаковать»

— Вот и все, что мне пока удалось узнать. — Он устало откинулся на спинку офисного кресла. — Хотя, постойте! — Воскликнул Селезнев. — Вот еще! Как я мог пропустить! Вот здесь! — Он заводит по известным символам:

«**БЕРЕЗА**. Черное и белое. Эрдан Фад-дах учредил совет во главе с декуанцами и ханарами. Черная и белая раса. Земля точка прибытия. Спасение».

— Вы понимаете! — Вдруг воскликнул профессор. Селезнева буквально пронзило молнией догадки. — Это действительно корабль! Корабль инопланетян! Выживших. На борту дети! Их нужно спасти. Понимаете? Спасти, а не атаковать!

— А как же аномалии? — Поинтересовался бесстрастный Михайлов.

— Возможно эти зоны, зоны отчуждения, места прибытия выживших. А вот такие, — профессор кивнул на труп, — «пришельцы», если это так, подготавливают почву. Можно сказать, что он, — Селезнев скосил глаза на тело, лежащее на нержавеющей хирургическом столе, — словно сигнальщик с флажками, которые помогают при рулежке самолета на взлетной полосе. Только сейчас должны, наоборот, приземлиться.

— Мы этого достоверно не знаем. — Бесстрастно прокомментировал подполковник. — К тому же — для чего он сделал ЭТО со своими глазами?

— Вы про то видео, где он...? — Селезнев жестом показал, как держал что-то в руках. — Я думаю, что это каким-то образом связано с враждебной нацией-цивилизацией или чем-то похожим на расу, что здесь называется «Рахни-Сары». Я пока не могу всего объяснить, но нужно доложить президенту!

— О чем доложить?

— Нельзя атаковать!

1 января 2027 год

— Хооороооошо. — Шептало новое, двойное сознание в голове Мормонта. — Хорошо придууумаано. Хооороооошо.. Нужно разрушиить АТЛАС. Не дай им шанс на кооонтакт. Раа-аспространи НАШЕ сооознание на свой мир. Дай прорасти всходам «Хозяина голов».

Мормонт стоял в центре своего с мамой дома, на первом этаже. Было очень жарко, и обычный человек уже бы взмолился. попросил убавить температуру, но казалось, что Виктор, одетый в теплую клетчатую рубашку на-выпуск, под ней две теплые майки под горло, утепленные джинсы и кроссовки для ходьбы по глубокому снегу, чувствовал себя прекрасно, даже не покрасневшись. За его спиной, на экране телевизора, активно жестикулируя, вещал ведущий, стоя у решетчатого забора, за которым виднелся Белый Дом. Вокруг ведущего, воздев руки к небу, в которых самодельные плакаты вещали о недопустимости агрессии космических масштабов, бастовали верные бунтарскому духу одни и те же люди, готовые за пятнадцать долларов час, возмущаться чем угодно:

«...НАСА, в сотрудничестве с Европейским Космическим Агентством, готовится к запуску звездной миссии «Артемиды». Используя корабли-носители «СТАРШИП», в количестве шести единиц, которые на орбите нашей планеты, объединившись, сформируют первый, в земной истории, боевой модуль под названием «Защитник». При помощи российского космического буксира «Зевс» «Защитник» будет отбуксирован на полтора миллиона километров, в сторону траектории полета АТЛАС. Президент США Дональд Трамп полон решимости разрушить космический корабль пришельцев и предотвратить глобальную катастрофу, грозящую всему человечеству вымиранием. В ходе миссии планируется высадка Первого Космического Корпуса Морских Котиков на летящий объект со второй космической скоростью, с целью устранения опасности. Напоминаем: звездный объект под кодовым именем «АТЛАС» в данный момент находится на расстоянии шести миллионов километров от нашей планеты и быстро приближается.

Против проведения миссии ликвидации уже высказались Россия и Китай. Так же Россия готова предоставить некие секретные данные, теперь рассекреченные для мирового сообщества, указывающие на недопустимость уничтожения АТЛАС. Россия до сих пор уверена в том, что межзвездный корабль является спасательной миссией, и никак не угрожает планете Земля и нашей цивилизации...»

— Нужно сдеелать так, чтобы «Защитник» дооостиг АТЛАС. Нужно уничтожить АТЛАС.

Зазвонил мелодичный сигнал вызова, телепередача съехала в сторону, уступая место синему экрану, на котором дрожала телефонная трубка, побуждая к тому, чтобы её «взяли». В правом нижнем углу аватар вызывающего крутился справа налево, грозя вызвать у последнего приступ морской болезни, и подпись «Дональд».

— Говори быстро. Убееди... «Защитник». — Голос в голове Мормонта растворился, уступая место его собственному сознанию.

Он подошел к зеркалу — хотел убедиться в своей «нормальности», нужно прилично выглядеть, когда тебе звонит президент. Но прежде он огляделся в комнате — везде царил порядок, кроме одного места. В самом темном углу, который не просматривался с улицы и тем более не виден был вызывающему с камеры телевизора, укреплен кокон под потолком. Снизу до двух третей можно подумать, что кокон принадлежит улью шершней или гигантских ос, но, а выше... Выше из кокона выступала голова человека. Женщины. Мама Виктора. Она, мама, не была уже тем человеком, что родила на свет Мормонта. Точнее того, кто остался вместо её сына. Она еще не умерла, подавая слабые признаки жизни, постанывала или слабо шевелилась, пытаясь выбраться из плена. Но уже было поздно. В ней, внутри её организма, вызревало новое

семейство шершней, поедая человека изнутри. Виктор отвернулся от кокона, подошел к зеркалу — вид обычный, вполне себе земной. Единственно, что выдавало в нем новое существо — глаза, которые имели две пары век: как у всех людей и вторые, внутренние — влажные, из тонкой зеленой кожистой структуры, имевшие поперечные короткие черные полоски. Да уж, не стоило раньше времени ему раскрываться. Морсонт нажал на кнопку аудиовызова, без видеосвязи.

— Мормонт! Какого чёрта! Почему я не вижу тебя! А ну включи это чертово видео, чтобы я тебя видел! Немедленно!

Мормонт подчинился, хотя и было затруднительно не мигать в экран камеры.

— Почему так долго! — Гремел президент возмущаясь. — Ты мне нужен на площадке запуска. Сейчас! Возьми самое необходимое! Возле твоего дома стоит машина службы президента. Поторопись! — Так и не дав ничего ответить Виктору, Трамп отключился.

Мормонт выглянул в окно, раздвинул жалюзи — действительно во дворе, окруженные нечищеными от глубокого снега дорожками, стояли три огромных черных тонированных «Субурбана». Возле машин никого не было — плохой знак. Таким попробуешь отказать — разнесут не только твой дом, весь квартал в ничем не повинных соседей. Виктор подошел к стеклянному столику, на котором лежали солнцезащитные очки, нацепил их на нос — теперь он не снимет их никогда. Посмотрел на кокон — женщина находилась без сознания и не подавала признаков жизни. Хорошо, значит не побеспокоит соседей.

— «Хооозиян голов». Возьми для президента. — Прошептало в голове его второе новое сознание.

Их небольшая колонна, будто ледокол во льдах Антарктиды, пробивалась сквозь Нью-Йоркские пробки. Загорелся красный на очередном светофоре, Виктор, никого особо не рассматривая, уставился в окно, сидя за водителем на заднем сидении. Вокруг, казалось, не дышали люди в черном и так же, как он, спрятали истинные мысли за стеклами черных очков.

— А может не ждать? Не рисковать? А вот прямо здесь, в этой машине открыть им тайны мироздания? Познакомить со всемогущим «Хозяином голов»? Хотя достойны ли они? Посмотреть на них — так не лучшие носители. Дуболомы. Хотя здоровьем не обижены...

— **ОН ПРИШЁЛ!** — Колокольчик тревожно зазвенел. — **ОН ПРИШЁЛ!** — Черный нищий, в оборванной одежде, воздев правую руку к небу и зажав в ней латунный колокольчик, похожий на тот, что вешают над дверьми, предупреждая о вновь пришедшем, рваными мелкими движениями, тряс ею. Колокольчик всегда резко и жалобно откликался на нервное движение, верно, до последнего исполняя свой долг, предупреждал, что: — «Он пришёл».

— Люди! Не верующие, грешные! Опомнитесь, исправьте свои дела, обратитесь к богу! Вот он, ваш уже последний шанс! — Рука нищего мелко задрожала, колокольчик захлебнулся в надсадном звоне. — Не смотрите наверх!

Сейчас вокруг них: высотных монолитных, бетон-стекло, зданий; вокруг случайных и многочисленных серых, в цветные пятна, пешеходов и машин: от желтых кебов до черных огромных джипов спецслужб; кроваво-красных сигналов светофоров и бензиновых выхлопов, серой шевелящейся деловой массы и запахов уличной кухни — ворочалась ленивая зима, изредка поднимая с бульваров грязные снежные заряды, поднимая вверх пургу из извечного мусора «Гнилого Яблока», и кем-то, в отчаянии отброшенные листы «Нью-Йорк Таймса» — последние новости не умели утешить.

— **ОН ПРИШЁЛ!** — Неожиданно голос черного бродяги стал много громче, буквально толкнув Мормонта в лопатки. Он, удивленный, заворочался в джипе, оглядываясь на невозмутимых крепких парней в черном.

Черный бродяга сидел по правую руку от него, хотя секунду назад здесь невозмутимо молчал человек в черном, и смотрел на него. В глаза. В его, Мормонта глаза. От бродяги несло

так, что Мормонта вот-вот грозило вывернуть. Бродяга мало того, что «благоухал» не лучшим образом, так в добавок лицо покрывали страшные оспины, сворачиваясь в грязные струпья. Виктор чувствовал, что еще немного и потеряет сознание. К тому же черного, немытого и дурно пахнувшего бродягу нещадно трясло похмелье.

— **ОН ПРИШЁЛ!** — Приблизившись вплотную к самому лицу Мормонта, зашептал черный, обдавая запахом гниющих внутренних органов. — **ТЫ ПРИШЁЛ!** — И тут Виктор заметил в руках «нищего» дно картонной коробки, на которой черным маркером написано:

НЕ СМОТРИ НАВЕРХ! ОН ПРИШЁЛ!

Колокольчик вновь звенел в сотне шагов от Мормонта, сидящего в джипе, и все еще ощущавшего вонь бродяги, буквально пропитавшей все вокруг. Он обернулся, — крепкие парни были на местах, и, казалось, ничего не ощущали, для них ничего не произошло. Черный бродяга все так же, в сотне шагов, повернувшись к ним спиной, будто ничего не произошло, вещал в безразличную и *ни-во-что-неверующей* серую толпу, что «**ОН ПРИШЁЛ**». У Нью-Йоркцев всегда была своя правда, и часто не та, что исходила от истинных праведников.

А вокруг ползли в пробке черно-желтые силуэты, нервно сигналив в пространство, требуя их пропустить, возмущались всему, чему только можно, требуя к лично себе особого отношения. Требуя права всегда быть первым и не важно в какой очереди.

3 января 2027 год

Россия, Центральный федеральный округ, город Москва, ФСБ, 22 отдел.

— Американцы поверили. — Подполковник Михайлов был бесстрастен. — Да и как могли не поверить, после того, как мы предъявили им образцы и артефакты с плато Пута-рана. Наша «Хроника мутантов» хорошо все объяснила. — Генерал задумчиво крутил именную ручку в правой руке, перебирая её между пальцев, и по завершении доклада, легко ударил металлическим колпачком, ставя виртуальную точку.

Подполковник Михайлов и генерал хорошо друг друга знали, и бывало, что встречались тут, в рабочем кабинете генерала, окруженные лакированными поверхностями стола, шкафов со стеклом в дверях, открывающие закрытыми содержимое. Генерал не любил эту обстановку, но так надо было для «статуса». Перед генералом лежала раскрытая папка, в которой фотографии перемешивались с листами докладов и графиков, а так же отчетами 22 отдела.

— Хорошо. Ну а что они сказали про агентов влияния Рахни-Сары? Что-то американцы будут предпринимать?

— Да, будут. Президент Трамп всемерно благодарен оказанной помощи, и предпримет все возможные действия для предотвращения катастрофы. К, сожалению, пришлось раскрыть черную планету Сун-Сэ, и то, что она «проснулась» в пределах облака Оорта, а так же то, что планета начала двигаться по направлению к Солнечной системе. О программе Рахни-Сары «Блуждающая Земля», и тем более о черной звезде Родина, американцам пока ничего не известно. Мы все же рассчитываем на благоразумие Америки в плане «приземления» «АТЛАСА», а также на своих людей в команде Космического Корпуса Морских Котиков.

— Хорошо, я тоже очень надеюсь, что наши специалистам все удастся задуманное. — Генерал помолчал, для чего-то посмотрел на фотографии, стоящие за стеклом в массивном лакированном шкафу — среди них можно было увидеть его с семьей, улыбающегося: две дочки, жена. А рядом его фотография в летной форме, молодого, бескрайне амбициозного. — Вы поторопили профессора? Селезнев закончил с переводом послания. Есть новая информация?

— Еще не полная. Но есть, пожалуй, главная. На борту, по сведениям, записанным на теле умершего с плато Пальпо, можно понять, находится видный ученый Эрдан Фад-дах, он ханар.

— Я как понимаю, это тот самый чело... инопланетянин, который может создать межзвездный ретранслятор? Напомните мне о ретрансляторе.

— Да, так мы думаем. Надеемся, что он все еще жив. О ретрансляторе нам известно следующее: эта технология самим ханарам досталась не совсем честным путем, а именно была украдена у неизвестной нам пока, более развитой расы. Эрдан Фад-дах смог расшифровать и создать успешно функционирующий образец ретранслятора, но надвигающаяся война с Рахни-Сары спутала планы и ретранслятор пришлось разрушить.

— Рахни-Сары настолько могущественная раса, что может уничтожить нас, землян? Даже с нашим оружием?

— Профессор Селезнев говорит, что мы, земляне, в своем развитии не достигли и сотой части тех технологических высот, что имели в своем распоряжении жители планет звездной системы Родина. В борьбе с Рахни-Сары погибли Титания населенной декуанцами, Акватор с ханарами, Фалион Прайм со спутниками Яндо и Бадми, а также Энтернус. Была еще одна планета, но названия и её судьбу мы не знаем.

— Хорошо. Ждем полного понимания от Селезнева, а пока, — генерал вынул вроде «случайную» фотографию из папки и направил её в сторону Михайлова, — что с судьбой этого «человека»?

На фотографии рассеянно улыбался Виктор Мормонт, стоя у светофора, в центре Нью-Йорка. Здесь он, видимо, еще не понимал, что происходит на самом деле.

5 января 2027 год

— Смотри, Виктор, смотри. — Президент Америки, Дональд Трамп не пожалел своего времени, сам привез Мормонта на стартовую площадку, на мыс Канаверал, туда, где шесть огромным кораблей «Старшип» миссии «Защитник», исходили облаками окислителя. Ветер трепал их верхнюю одежду, пытался сорвать шапку с Дональда, но у него ничего не выходило — на день запуска обещали штиль, поэтому было относительно спокойно. — Видишь? Это все ради тебя.

Виктор Мормонт и хотел бы, возможно, ответить, но не мог — рот заклеен скотчем, руки сомкнуты за спиной пластиковыми наручниками. Он не думал, не ожидал, что его вычислят. Хотя нет, он знал, что так случится, но не думал, что настолько быстро. Его скрутили еще тогда, в поездке по Нью-Йорку, когда ему было видение зараженного, такого же, как он. Именно так бы он стал выглядеть через несколько месяцев, но к тому времени, он уже воплотил бы задуманное. Не хватило буквально нескольких дней! Мгновение в судьбе человечества, эпоха для него!

— Им кто-то помог, сами бы они никогда. Никогда не догадались. — Думал Виктор, идя за президентом, поддерживаемый с двух сторон сильными парнями в черном. — Я ничем себя не выдал, нигде не было очевидного провала. Был приближен к самому президенту! Почти дошел, добился! Нужно только было вонзить иглу в дряблое тело этого старика!

— Знаешь почему мы здесь? — Президент внимательно посмотрел на Виктора. — Нет? Ну я расскажу. — Обнадежил он Мормонта. — Смотри, — Трамп указал на шесть ракет, — это, как ты уже знаешь, «Защитник». Но! Есть одно существенное «НО» — на борту миссии нет взрывчатки.

Мормонт задергался в сильных руках, хотел вырваться, вцепится в президента, даже пусть это станет его последним действием. Но его удержали, а в шею воткнулась игла, вкачивая в организм транквилизаторы.

— Но и это не все! — Трамп взгляделся в лицо Виктора, пытаясь понять, слышит ли он его, посмотрел на стоящего за спиной Мормонта, того, что с иглой. В ответ кивнули, показывая: — «Слышит». — Ты станешь частью миссии. Да-да, ты записал в Корпус Морских Котиков, тебе оказана великая честь! Такое не каждому выпадает. Правда есть нюанс — ты не полетишь, тебя повезут навстречу, как приветственный дар. Дар для ханар и декуанцам. — Он вновь посмотрел на Виктора, вглядываясь, на человека за его спиной. В ответ снова кивнули, подтверждая. — А ты думал, что мы не узнаем? На что ты, на что вы надеялись?

Мормонт не отвечал, его голова безвольно опускалась все ниже.

— А еще вот это. — Трамп вынул пробирку из кармана пальто, потряс ею перед лицом бесчувственного Виктора. — Ты думал мы не найдем? Не узнаем о «Хозяине голов»? Не поймем, что ты пойдешь на государственное преступление? Да, кстати, маму твою мы тоже нашли, и спасли ей жизнь. Ох и пришлось же помучаться, вынимая из неё «куколок». — Трамп вновь потряс пробиркой у самого лица Мормонта, и тогда случилось это:

Непонятно откуда взялись силы у опоенного пленника, но он, распрямляясь, с легкостью раскидал крепких парней, с легкостью порвал пластиковые наручники, встал в полный рост, откинул голову, а она треснула, разделяясь на уровне рта, и из него вывалились отвратительные, черные шевелящиеся жвала. Мормонта больше не существовало. Виктор, или то, что от него осталось, наклонил голову, готовясь к атаке. Президент, не ожидая подобного и отступая, споткнулся о неудачный камень, упал.

Мормонту не дали осуществить задуманное: подошедший сзади, прислонил к шее Виктора, зажатую в пальцах, земную пчелу, та не стала долго ждать, вонзила жало в кожу инопланетного пришельца.

Мормонт схватился за место укуса, страшно закричал, упал на колени, он задыхался. Упал лицом на землю, но умереть ему не дали, тот же человек вколол антидот.

— Анафилактический шок. — Прокомментировал вколотивший. Отошел от Мормонта, а того уже поднимали, еле дышащего, но живого. Трамп тоже поднялся, отрясая пальто от земли.

— Да, это жнецы. — Президент подошел к Мормонту, но не близко, опасаясь, но не боясь. — Жнецы. Русские правы. Готовьте его. — Он кивнул на Виктора.

— Господин Президент! А ампула?

— Кукурузный крахмал. — Отмахнулся президент. — Давайте встречать ГОСТЕЙ.

Звезда «РОДИНА»

2031 год. Земля — кладбище, оставленное расой Рахни-Сары. Война закончилась, но цена победы оказалась непомерной: миллиарды погибших и планета, превращенная в лоскутное одеяло из аномалий: туман Скаб выжигает память и дарит забвение, Антитекстура перекраивает законы физики, а Песочница пожирает тех, кто еще дышит.

Люди, помнящие «старый мир», подобные главному герою, стали живыми артефактами. Корестер Ковач, ветеран 22-го отдела ФСБ, берется за самоубийственную миссию: доставить «Искру» в подземный институт Омега-Гэст. Эта реликвия — свидетель того, кем мы были до того, как небо стало чужим.

Пробираясь сквозь территории, захваченные мутантами синтемера и механическими кошмарами Рахни, — Ковач внезапно понимает: враг не только снаружи. В подземельях Омеги зреет заговор фанатиков Нуклефизма, готовых принести остатки человечества в жертву своим темным догмам.

В этом месте забвение — единственный закон. Только хранители памяти способны указать путь к спасению, но на них объявлена охота.

СЛОВАРЬ

Антитекстура — искажённая реальность, воплощение аномальных проявлений нового мира, возникших после Конфликта. Это особая форма существования пространства, где законы физики нарушены, а материя пребывает в состоянии постоянного искажения.

Является одной из ключевых сил в мироустройстве, согласно учению Нуклефизма. В религиозной доктрине Сумеречного Братства Омега определяется как низшая, подчинённая сила по отношению к Скабу двуликому.

Проявляется через создание аномальных зон, где реальность выворачивается наизнанку, порождая опасные для человека явления. Считается, что Антитекстура — это не просто природное явление, а проявление божественного замысла в форме испытания для верующих.

В священных текстах Нуклефизма описывается как противоположность упорядоченному мирозданию, созданная для проверки стойкости веры и силы духа последователей истинной религии.

Искра священная цифровая реликвия, хранящая драгоценные воспоминания о мире до Конфликта. Это электронный носитель особой важности, содержащий записи последних свидетелей прежней эпохи.

В эпоху забвения и искажённой реальности **Искра** стала последней нитью, связывающей человечество с утраченным прошлым. На флешках — хранителях записей свидетельства стариков, помнящих жизнь «ДО», их бесценные рассказы о прежнем мире.

Подобно божественному откровению, **Искра** несёт в себе свет истины в царстве искажений и тумана Скаба. Она единственный способ сохранить и передать знания о прежней цивилизации, о том, как жили люди до прихода Рахни и Великого Конфликта.

В мире, где память становится валютой, а воспоминания реликвиями, **Искра** выступает как символ надежды и связи с утраченным. Она ключ к пониманию прошлого, необходимое условие для выживания в настоящем и строительства будущего.

Зоны искажения Скаб — (Скап, корочка на ране). Локации, где законы физики нарушены, звуки искажаются, появляются «отражения» умерших.

Скаб — это особая зона искажения, окутывающая мир подобно корочке на ране Земли после Конфликта. Это не просто туман, а аномальная зона, где нарушаются законы физики: вода течёт снизу вверх, искажаются звуки,

появляются опасные «отражения» умерших. Скаб выступает как двуликий хранитель: он одновременно дарует защиту живым и несёт забвение,

стирающее память о прошлом. В религии Нуклефизма Скаб почитается как божественная сущность, способная оградить от ужасов нового мира.

Город Мегатонна. Мифический центр катастрофы — гигантская структура из спрессованных обломков городов. Его очертания меняются; он притягивает искаженные воспоминания.

О — о—о! Этот всем известный проклятый город Мегатонна, центр былой катастрофы, в котором пропали (в том то и дело, что пропали, а не погибли) сотни тысяч человек. Поговаривают, что это первое место, откуда начала свой рост Песочница. Ну вы точно знаете про то место, в котором пропадает память. А еще Мегатонна являет собой странный мегалит — сви-

детельство гигантомании предков, который постоянно меняет геометрии и очертания. Поговаривают, что и физические свойства в Мегатонне не постоянны, хотя вряд ли это было правдой — из Мегатонны не было выхода, и даже если бы находился смельчак, вряд ли он смог что — то рассказать. А еще ходят странные слухи, что те, кто осмеливается проходить близко от Мегатонны, подвергаются странному воздействию, искажающее воспоминания, а после и вовсе отбирающее их у несущего человека.

А теперь Песочница появляется везде, по всей планете. Но люди, не будь они настоящими людьми, и здесь нашли выход — они придумали Искру — воспоминания, записанные на электронное устройство. И хотя мало кто из них помнил для чего это нужно, но всегда, вспоминая своё прошлое, люди лучше понимали настоящее. И тогда им удавалось вновь отбрасывать подступающего врага, побеждать технологически совершенных Рахни — Сары.

Так было до последнего времени.

Культ Сумеречного Братства Омега (Нуклефизм — Вера в Святой Ядерный мир Конфликта. Название священной книги — Нуклеон).

Философия культа

Основная доктрина строится на вере в существование пограничного состояния между жизнью и смертью, где свет борется с тьмой. Последователи верят, что только единство братства может противостоять силам искажения.

Божественная иерархия

Скаб — двуликий хранитель, окутывающий мир туманом забвения и защиты

Великий Конфликт — священное испытание, определившее новый порядок

Антитекстура — воплощение искажённой реальности

Песочница — божество испытаний и проверок веры

Делулу — главный антагонист, воплощение лжи и искажения

Эхо — отвергнутый еретик, признанный воплощением зла

Главная цель Сумеречного Братства противостояние силам искажения и защита верующих от пагубного влияния Антитекстуры.

Священная книга культа Нуклеон, в которой записаны все истины веры и откровения Скаба двуликого.

Миссия последователей нести свет истинной веры, хранить чистоту учения и защищать слабых от сил тьмы.

Нуклеон священная книга религиозного культа Сумеречного Братства Омега, содержащая основные догматы веры в Нуклефизм. В тексте изложены откровения Скаба двуликого, описаны божественная иерархия и основные постулаты веры. Книга является главным источником учений о пограничном состоянии между жизнью и смертью, где свет противостоит тьме. В ней зафиксированы все истины веры последователей, включая доктрину о священном ядерном мире Конфликта и противостоянии силам искажения. Служит руководством для верующих в их миссии защиты от влияния Антитекстуры и сохранения истинной веры.

Корестер специалист по выживанию в условиях постконфликтного мира, бывший оперативник 22 отдела ФСБ. Профессионалы, занимающиеся исследованием аномальных зон и противостоянием угрозам Конфликта. Отличаются высокой подготовкой, автономностью и способностью действовать в экстремальных условиях. Выполняют разведывательные миссии, спасательные операции и защиту населения от опасностей нового мира.

Делулу — мутант, изначально порождённый паразитом БрейнРот, опасный хищник, передвигающийся на

единственной деревянной ноге — шесте. Главный антагонист в религиозной доктрине Сумеречного Братства

Омега, воплощение лжи и искажения в новом мире после Конфликта.

Представляет собой опасное существо, созданное с помощью технологии синтемера, характеризуется фарфоровой улыбкой и стеклянными глазами.

Является порождением Рахни, служит инструментом распространения иллюзий и обмана среди людей. В культе считается одной из основных сил зла,

противостоящих Скабу двуликому и его последователям. Делулу часто появляется в аномальных зонах, особенно в местах проявления Антитекстуры, где искажает реальность и манипулирует восприятием жертв.

Есть теория, по которой следующая жертва, обязательно женского пола, обращается в Делулу таким образом:

1 Способ: так как жители мира Конфликта, так или иначе, потребляют отравленную воду синтемером, то уже теоретически являются носителями технологии Рахни. В период овуляции и вовлечении жертвы в стресс, в организме вырабатывается кортизол — гормон стресса, который является катализатором мутации.

2 Способ: при попадании жертвы в Антитекстуру.

Бронеходы Легиона «Стальные Стражи» боевые механоиды, созданные во времена Конфликта для противостояния инопланетным захватчикам. Представляют собой бронированные боевые машины, способные действовать автономно. Изначально управлялись Рахни, но после Конфликта часть из них была приручена ветофанами.

Используются для защиты поселений от угроз, патрулирования территорий и проведения рейдов. Отличаются высокой боевой мощью, оснащаются различным вооружением, включая ракетные установки и крупнокалиберные пулеметы. Местные жители прозвали их «Бобиками» за склонность к взаимодействию с людьми.

Способны эффективно противостоять различным угрозам нового мира, включая мутантов и аномальные проявления. Несмотря на механическое происхождение, проявляют элементы самостоятельного тактического мышления в бою.

Синтетмер: революционная технология будущего

Революционная разработка расы Рахни, изменившая ход истории человечества. Этот уникальный материал стал ответом на потребность в создании синтетических существ нового поколения.

Технологическое чудо представляет собой усовершенствованную субстанцию, избавленную от недостатков предыдущих материалов. В отличие от устаревших технологий, синтемер не требует выращивания биологических компонентов, что делает его производство более эффективным.

Ключевые особенности технологии включают: универсальность применения, независимость от биологических процессов, способность к активации при контакте с водой, возможность внедрения в живые ткани

Области применения охватывают создание: боевых механоидов, Северянинов, ветофанов, Делулу

Технологическая загадка остаётся малоизученной людьми, что придаёт ей дополнительную опасность. При взаимодействии с человеческой ДНК синтемер способен вызывать непредсказуемые мутации, делая его использование рискованным предприятием.

Историческое значение технологии трудно переоценить — она стала основой для большинства искусственных форм жизни в постапокалиптическом мире, определив вектор развития цивилизации после Конфликта.

Глава Знакомство с миром Конфликта

Сообщение №... «ИСКРА» 2031 год

Из воспоминания Ивана Федоровича Незнанского. Кузнецкий спецназ, Поволжский Федеральный округ, 22 отдел ФСБ. 13 отряд (противодействие инопланетным захватчикам и иным угрозам КОНФЛИКТА) 26 июня 2028 год.

«23 сентября 2027 года. Уже тогда стало ясно, что Атлас не способен прикрыть все угрозы, человечество вступило в горячую фазу войны с космическими захватчиками. Нами были применены практически все средства для подавления врага, но, к сожалению, почти ничего не могло противостоять технологиям Рахни. И тогда земляне прибегли к последнему доводу — ядерным ударам по воздушным базам инопланетян. И мы победили. Хотя, на самом деле, конечно было не так. Рахни отступили, увели базы на Сун — Сэ, располагавшаяся на тот момент на эклиптике Юпитера, с противоположной Земле стороне от Солнца. И нам бы вздохнуть, но не тут — то было, Рахни вместо себя оставили множество аномальных зон, наподобие тех первых №6, вроде «Плато Путорана», с которой и началась экспансия. Но это уже история. А в настоящем нас ждал ужас и кошмар, вроде гравитационных ловушек, кислотных прозрачных сетей паутины, «живых мертвецов», Делулу и Антитекстуры, металлических кубов со вплавленными человеческими останками, и много чего еще непонятного и малоизученного. Но самая страшная из них, это, конечно «ПЕСОЧНИЦА», а все потому, что появляется она, как может показаться на первый взгляд, абсолютно в неожиданных местах, враз распахиваясь смертельной воронкой и утягивая несчастных. Началось с простых гражданских, с отцов, испытывающих вину за утрату родных, с матерей, потерявших детей, с чудом выживших и винивших себя за это. Да и как не винить себя отцу? На то и расчет был этих нечеловеков! Этого, будь он не ладен, РОЙ!

Забрали тогда порядочно, будто мало было тех жертв, что унесла война!»

Летопись Рахни — Сары

Изобретение синтемера. Свидетельство мутантов.

«Ветофаны стали боковой веткой производства синтемера, вещества, запущенного взамен устаревших материалов, на базе которых производились боевые механоиды. Синтемер был избавлен от необходимости воспроизводства хитиновых панцирей или же укрепления внутренних биоприводов на титановых столбах, вроде позвоночника живых существ. Рахни искали методы воспроизводства синтемов, наподобие хеттов, что удалось прежде посещавшей расе из звездной системы Родина. Именно хетты, первая человеческая цивилизация, населившая Землю. И, конечно, тогда это был не синтемер. В те времена удалось получить почти настоящую плоть, выращенную в биологических микробных чанах, при помощи дрожжей полученных из стволовых клеток жителей системы Родина (какая именно раса подарила свои клетки, осталось в тайне).

Первые опыты с синтемером принесли уродливые плоды, которые Рахни вынужденно уничтожили. Последующие, так же не принесли успехов, но вот много позже появились первые «Северянины» (успешное соединение кислотного паразита БрейнРота с мутагеном человеческого мозга и гиены) — бородатые великаны, обладавшие чудовищной силой и высоким интеллектом, а вместе с ними, как побочный продукт, Ветофаны — дефектная линия производства.

Напомню, что опыты эти проводились в 2029 году, после прошествия Великого Конфликта, или второй год, после наступления Эры Атлас».

«Мимойды и симметриады. Способы и проблемы изучения». «Хроники будущего»

Смерть профессора Селезнева

«В 2028 году, в первый год Великого Конфликта, при нападении на Омега — Гэст, погиб профессор Селезнев. Механоид Сар — Склит, похожий на паука,

с тонкими составными ножками, соединёнными из множества других разрушенных механизмов, а теперь воплотивший их всех в себе, и несший в десятках отростках — лапах головы первых человекообразных роботов, имевших глаза и рот, чтобы видеть, и чтобы кричать, неожиданно, проломивши бетонное восьмидесяти сантиметровое покрытие, свалилось буквально на головы жителям научного кластера „Гэст — Хаб“, разрабатывающий межзвездный ретранслятор».

Глава 1. Знакомство с миром Конфликта

2031 год, 22 сентября, 13.00. Бывший Поволжский Федеральный Округ, Пензенская область. Подземный город Омега — Гэст, приобретенные аномалии: Антитекстура, Песочница. Территория: Топи Ржавых Молитв.

« — Вот оно, смотри. — Протянуло существо. Было оно белесое, абсолютно лишенное волос, да к тому же и слепое. Точнее, глаза были, но не на лице. Станным было оно, пугающим: с кожистыми крыльями, выросшими в костлявой спине, прямо из того места, где у людей находятся так называемые лопатки. Не нос, а две черные точки, длинные костлявые руки, тонкие ноги, узкий беззубый рот, наполненный острыми, словно иголки, зубами. И глаза. Его глаза, которыми оно видело, когда раскрывало ладони. Именно в них, в его ладонях, и были глазные яблоки.

А после профессор вспомнил тот день, когда ему показали видео в 22 отделе, про того невероятного погибшего человека, изувечившего себя тем, что вырвал свои глаза и показал их в раскрытых ладонях. Тот самый, что был «украшен» ожогами по телу — символами языка древних шумеров, предупреждавших о скором нашествии.

Пришелец с плато Путорана. Он еще что-то говорил тогда. Селезнев наморщил лоб, вспоминая. Вспомнил:

— Я видел АД».

— Люди вновь заговорили о Перевернутом Соборе. Они боятся. Боятся даже не смерти, боятся того, кто в этом проклятом Соборе. — Епископ Маркус, сорока семи летний мужчина, с седеющими висками и выбритым наголо затылком, в черной обрядовой рясе, с позолоченной цепью на шее и символом единства Нуклеона, в миру называемый Крадость, так же известный своей любовью к Подземельям Аутодафе и особо усердствующим в требованиях к проявлению любви к двуликому Скабу, скрестил пальцы двух рук, образовав «священный треугольник». — Не принимаю ересь Эхо.

— Воистину не принимаю. — Поддержал его Архиепископ Августин, тридцати двухлетний энергичный человек, с аккуратно стриженной головой и головным епископальным высоким уборе, а также символом на груди изображавший условный треугольник в круге, и прозванный за таинственные и только известные самому архиепископу свойства «Ключом». Августина прозвали среди верующих «Искаженный», за то, что он склонялся к теории образования мира вслед за зарождением Антитекстуры, потому верил и транслировал на неофитов не просто туман забвения и защиты двуликого Скаба, но прежде всего проявления единственно верной реальности. Прежние Архиепископы отлучили бы его от Сумеречного братства только за то, что заветы нуклефизма безбожно предал анафеме, отринул единственно правильную веру в Скаб, а Антитекстуру преобразил в формирующую реальность аномалию. Хотя в истинной вере Сумеречного Братства все было наоборот: Антитекстура всегда являла воплощение искаженной реальности. — И что же говорят люди? Они как прежде, вновь подвержены ереси? Или порок Эхо возвратился извращать слабые умы новых братьев?

Они были вдвоем, в каменном зале, в одной из епископской комнат, Чертога Истины, храма «Падший Гигант». Раньше, еще до Великого Конфликта, храм представлял собой бетонный монолит двадцати пятиэтажного жилого здания, поделенного по соответствию достатка владельцев: от простых дельцов на нижних этажах, да акул крупного промышленного бизнеса на верхних. Но случилась страшная война, земля разверзлась от применения тектонического оружия, и высотка ушла целиком под землю. Тогда многие здания провалились, но именно эта оставалась целой и в нужном месте. Так редко, бывало, чтобы здание было целом и еще реже, в нужном месте.

— Нет, укрой нас Скаб в своем забвении и защите! — Епископ Маркус тревожно оглянулся в поисках тайных слушателей, прошелся из стороны в сторону, выбивая глубокие гулкие звуки из гранитного пола, прислушался к отраженному звучанию, и не обнаружив ничего подозрительного, подошел ближе к Августину, зашептал тихо, быстро, сбиваясь в жарком дыхании. — Об Эхо давно не слышно, не слышно с тех самым пор, как провалился он в Забытье проклятой Песочницы! Туда ему, окаянному, дорога! — Крадость вновь молитвенно сложил дрожащие пальцы и закатив глаза, зашептал молитву очищения:

Да сохрани нас сила единства, Да не поколеблется вера наша. Во имя братства, во имя истины — Да будет так!

— Да будет так! — Подтвердил Архиепископ, хотя ему всегда казалось, что Крадость немного переигрывает в веру, хотя, конечно, мысли эти были сущей крамолой. Уж кто, кто, а епископ Маркус с его рвением к знанию Доктрины Пограничных Состояний и мощью противостояний искажений, а также толкование священных текстов Нуклефизма, описывающих преобразование Святого Ядерного Мира Конфликта, не оставляло поле для малейшей подозрений. Да и к тому же рекомендации, пришедшие из самой Мегатонны, а точнее из Золотой Башни... — «Да, уж, это не простой жук — настоящий упырь. Такой выпьет кровь, а потом помолится об отпущении грехов». Августин хотел было скривиться, но сдержался — Братство не терпело двоечтений между словами искренности и выражаемыми эмоциями. — Напомни, мне брат Маркус, что говорят священные тексты Доктрины об отступниках, вроде Эхо. — Хотя Августин и сам знал — в семинарии строго спрашивали знание основ, но хотел сделать подарок Крадость, что бы тот почувствовал хоть на незначительное время свою значимость.

— С удовольствием напомню, брат Августин. — Маркус встал в молитвенную позу, воздел сложенные руки к груди, и закатив глаза, зачитал на память:

Слово о Ереси и Отступничестве

Во имя Скаба двуликого, дарующего защиту и забвение, утверждаем мы истину сию священную.

Ересь есть зловонное семя, посеянное в души слабые и непросветлённые. Подобно ядовитому растению, прорастает она в сердцах тех, кто осмеливается противиться священной воле Скаба и отрицать его божественную сущность.

Отступничество — тяжкий грех перед Сумеречным Братством, перед священной миссией нашей, перед самим Скабом двуликим. Еретик, отринув веру истинную, разрывает нерушимую связь с покровителем нашим, подвергает опасности братьев своих.

Признаки ереси явлены суть в деяниях следующих: отрицание божественной сущности Скаба и его защиты священной; искажение догматов Нуклефизма святого; самовольное толкование текстов священных; распространение учений ложных среди братьев верных; взаимодействие с силами враждебными; попытки проникновения в знания запретные без очищения должного.

Братья верные, да не поддадитесь искушению ереси проклятой! Да храните веру истинную, да укрепляйте связь со Скабом двуликим! Да будет свет истинной веры вашей путеводной звездой в тёмные времена!

Аминь.

И да сохрани Скаб двуликий чистоту веры нашей, да очистит мир от скверны ереси, да укрепит дух братьев верных в борьбе с искушением отступничества!

Аминь. Аминь. Аминь.

«О, Скаб двуликий! — Думал Архиепископ, слушая и представляя все то, что в этот момент могло твориться в голове этого пройдохи Маркуса. — Вот кого он хочет обмануть своей набожностью? Скаб подает? Скаб не просит и не оставит? Скаб то, Скаб сё.

Дудки!

Нет ничего, кроме этого, проклятушего тумана, забвения и искажения реальности. Нет ничего, чтобы утвердило божественную суть Скаба. Есть только эти проклятые аномалии, механоиды, монстры, да произведения синтемера — гребанные искусственные мутанты.

Скаб! Да, что б вас всех там за ваш Скаб!»

— Аминь! — Поставил точку Августин. Он медленно повернулся на каблуках с позолоченными скобами — эту обувь ему сделали на заказ из редкой твари, обитавшей в окрестности и погубившей множество невинных душ, Ил — Обнимателя. Пошел в сторону проема, открывающего вид на Омега — Гэст, распахнутый от пола до потолка одним прямоугольником, церемониальные одежды благородно зашуршали складками, капюшон, дрогнув уложенный в сборы, поплыл вслед за ним. В голове улем зароились мысли:

«Чертог Истины. Храм Падшего Гиганта. Что эти названия должны значить для людей, верующих в Братство? И что вообще может дать вера в божественную сущность Скаба? Действительно, почему они все верят в какого — то бога?»

Шаги по граниту пола отдавали в пространство глухой звук и придавали атмосфере нереальность и гипнотизм Антитекстуры, если и была такая.

«Есть туман, это никто не отрицает. Есть монстры в тумане, аномалии есть. Они существуют, их можно потрогать! И даже, если вовсе обалдел от доступности и возможности, сунуть голову в ту самую Антитекстуру. Или вовсе залезть в Песочницу, если жить надоело.

Они, все эти аномалии, монстры и прочее — есть. А что Скаб? Скаб двуликий и священный. Божественный и в проявлении своем сохраняющий умственное здоровье несчастных? Какой же бред!»

Подошел совсем близко к проему, и встал так, что носки обуви выступили над краем бездны. Двадцать четвертый этаж. Выше только купол веры. Сзади беспокойно, мелко и дробно, пустым звуком полых каблуков затукали ботинки Маркуса. Крадость во всем, даже здесь, проявлял свою липкую, приторную заботу.

Скаб двуликий!

Если бы только он знал, что попадет в этот клубок со змеями, в бетонный мешок с ластцами и низкопоклонниками. Эти ублюдки с удовольствием, если бы имели такое право, запихнули его на нижние подземные уровни, гораздо ниже Гэст — Хаба, и там вывернули наизнанку в Подземельях Аутодафе, выведывая тайные мысли о ереси во имя святого Нуклеона.

— Господин, господин! — Затараторил Маркус, маяча где — то за спиной. Вроде вот беспокоится, но есть опасение, что этот мерзавец, в проявляемой любви подтолкнет его, Архиепископа Сумеречного Братства Омеги, легонько на пути к просветлению.

Августин посмотрел вниз — двадцать четыре этажа закончатся быстро. Он блаженно заулыбался. Так вот оно где. Вот этот короткий путь к свободе, минуя крепкие руки неофитов, так старательно страждущих по благодати Братства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.